ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ
Если небо молчит
ЛИДЕР TV РЕЙТИНГА!

Дмитрий Герасимов

Если небо молчит

«АСТ»

2011

Герасимов Д.

Если небо молчит / Д. Герасимов — «АСТ», 2011

Максим и Маргарита когда-то очень любили друг друга, у них растет сын. Однако обстоятельства сложились таким образом, что теперь Максим – программист в Москве, а Маргарита – медсестра в провинциальном городке со странным названием Сырой Яр. Внезапно с обоими начинают происходить непонятные, жуткие и весьма странные события. Всех, с кем близко общается Максим, преследует смерть. И у Маргариты в больнице творятся ужасные вещи: мистическим образом умирают больные, и девушку обвиняют чуть ли не в предумышленном убийстве. Чтобы разобраться в происходящем Максим решает поехать в родной город Сырой Яр… Это была его первая ошибка.

© Герасимов Д., 2011
© АСТ, 2011

Содержание

Пролог 5
1 7
2 18
3 30
4 42
5 52
6 64
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Дмитрий Герасимов
Если небо молчит

Пролог

Сибирь, 1985 год…

– Это аванс. – Женщина, называющая себя Илоной, протянула ему пачку новеньких банкнот. – Пятьсот рублей…

Молодой человек иронично поднял бровь:

– Целое состояние… С такими деньгами хоть сейчас – в Сочи, и месяц шиковать! – Он хрустнул купюрами. – Не боитесь, что сбегу?

– Не боюсь, – отрезала она. – И перестаньте кривляться!

Ей было, наверное, немногим за сорок. Высокая, стройная, модно одетая, с безупречной прической и дорогими серьгами в ушах, она была похожа на героиню какого-то французского фильма. Он никак не мог вспомнить – какого именно. Кажется, там играл Бельмондо.

– Вторую половину получите после завершения операции. – Женщина внимательно его изучала. Глаза у нее были красивые, но холодные.

И кабинет, в котором они беседовали, несмотря на изысканность обстановки, дорогую мебель и тяжелые шторы на окнах, тоже был холодный, неуютный.

– В общем, так. – Молодой человек откинулся в кресле, небрежно вытряхнул из пачки «Родопи» сигарету и щелкнул зажигалкой. – Я внимательно ознакомился с этим делом, изучил карты, прочитал подробные инструкции, и…

– И? – Она прищурилась.

– И не понимаю, в чем здесь подвох. – Он шумно затянулся и медленно выпустил дым. – Ведь все это очень просто для меня. И пожалуй, не стоит таких денег.

– Здесь нет никакого подвоха, – сухо ответила Илона. – Есть работа, которую необходимо выполнить четко и в срок.

– Послушайте, – молодой человек наклонился к ней через стол, – у меня четырнадцать боевых выходов, три ранения и орден Красной Звезды! У меня три сопровождения роты на марше через Панджшер! – Он придвинул к себе пепельницу и с чувством потушил недокуренную сигарету. – А вы мне поручаете сопровождать простую женщину с грудным ребенком! Вот я и думаю: в чем фокус?

– Это не простая женщина и совсем не простой ребенок, – сказала Илона. – Кроме того, вам их не в Сочи сопровождать!

– Тоже верно, – кивнул он. – Не в Сочи. Но даже риск попасться на этом деле не стоит таких бешеных денег!

– Повторяю, – женщина начинала терять терпение, – это *не простые* мать с ребенком! Операцию готовили два месяца. И на вас лежит огромная ответственность. Вы – единственный, на кого сделана ставка. – Она, вдруг смягчившись, накрыла ладонью его руку. – Прошу вас, постарайтесь оправдать наше доверие. Это очень важная миссия, поверьте. И она, безусловно, стоит тех денег, которые вам платят.

Молодой человек убрал задаток в карман и поднялся из-за стола:

– Когда ехать?

– Завтра. – Илона выдвинула ящик стола и достала плоский металлический предмет величиной с ладонь. – Возьмите…

– Что это? – Он удивленно принял из ее рук пластину, похожую на медный значок с гравировкой.

– Это верительный жетон, – пояснила женщина. – Вы отдадите его тому человеку, который встретит вас в конце путешествия. – Она коснулась пальцами значка. – Здесь рисунок: звездное небо, на котором мирно соседствуют луна и солнце. И надпись внизу.

– «Иф зе хэвэн сайлэнс», – прочитал молодой человек и вопросительно поднял на нее глаза.

– «Если небо молчит», – перевела Илона и пояснила: – Это название операции.

– Романтично, – усмехнулся он. – Слишком романтично для простого уголовного преступления.

– Ступайте! – приказала женщина. – Завтра утром – в путь! На «уазике» доберетесь до Тюмени. Там пересядете в поезд. – Она вздохнула. – Ну а дальше – по инструкции.

– Разберемся, – кивнул он и подбросил на ладони значок. – Если небо молчит, значит, завтра будет хорошая погода!

…Уже рассвело, когда на извилистую грунтовую дорогу, ведущую вдоль леса, выскочил заляпанный грязью УАЗ. Машину заносило на поворотах, она подпрыгивала на кочках, ревела, пробуксовывая в размытой глине, и рвалась вперед. Водитель нервничал, стремясь наверстать время, потерянное на паромной переправе. Чтобы успеть к отправлению тюменского поезда, нужно было проскочить шестьдесят километров разбитой лесной дороги за час.

Рычащий «уазик» бросало из стороны в сторону. Ранние солнечные лучи прыгали по грязным стеклам, по ребристой крыше, сползали с колес и оседали в придорожных лужах.

На одном из поворотов машина вдруг перестала слушаться руля. Она скользнула по бровке лесного грунта, задела карданом кочку, взметнулась вверх и, пролетев несколько метров и ударившись в сосну, упала на крышу. В салоне лопнули стекла. Покореженный, как консервная банка, УАЗ еще некоторое время вращал колесами, потом загорелся, а через несколько минут над верхушками сосен с оглушительным грохотом взлетел кровавый огненный шар.

1

г. Сырой Яр, август 2008 года…

Заголовок, набранный жирным шрифтом, кричал:

«ТРОЙНОЕ УБИЙСТВО! Псы в человеческом обличье снова вышли на ночную охоту!». Газета торчала из-под стопки медицинских карт, и ее невозможно было не прочитать.

«На этот раз буквально за одну ночь, словно по специально подготовленному списку, «лесные звери» казнили двух крупных предпринимателей и местного цыганского барона.

Сегодня поражает уже не столько сама жуткая статистика убийств, сколько невероятная жестокость, с которой они совершаются. Одному из коммерсантов вспороли живот, выкололи глаза и отрезали гениталии, другому нанесли несколько не опасных для жизни ножевых ранений и подвесили, истекающего кровью, за ноги во дворе дома. Он умер в мучениях еще до рассвета. Но хуже всего пришлось «барону». Его труп собирали по частям, как гигантский, смердящий пазл. Несчастного попросту четвертовали. Сначала ему отрубили кисти рук и прижгли культи паяльной лампой, чтобы остановить кровь. Потом отрезали ступни ног. В течение нескольких часов изверги методично укорачивали конечности своей жертвы. В конце концов, измученного, несколько раз терявшего сознание от болевого шока цыганского барона оскопили, а когда тот уже не подавал признаков жизни– обезглавили. У всех троих похищены ценные вещи и драгоценности.

Из пропавших вещей стоит особо отметить золотые каминные часы, принадлежавшие цыганскому барону. Они выполнены в виде орла с распростертыми крыльями, держащего в клюве змею. Такую заметную и необычайно дорогую вещь продать в нашем городе практически невозможно. Но «псов» это не остановило.

Что примечательно, на каждом месте преступления бандиты оставляют рисунок углем, как в известном фильме про «черную кошку». Только теперь на стенах заборов и домов скалит зубастую пасть голодный, худой пес.

Сыроярцы в который уже раз взывают к исполнительной власти города и милиции: доколе нам содрогаться от ужаса?! Когда, наконец, извините за каламбур, «псов» истребят, как бешеных собак?!»

Настенные электронные часы в виде гигантского градусника моргнули и с глухим щелчком выбросили на табло четыре цифры – 19:00.

Маргарита оторвалась от чтения и подняла глаза. Семь вечера. Она сверилась с крохотными элегантными часиками на запястье, подаренными ей мамой на двадцатитрехлетие, и принялась собирать бумаги на рабочем столе. Через час придет Женечка – медсестра, заступающая на ночное дежурство. Маргарита передаст ей дела, сверит список назначений и процедур, напомнит о контроле за палатой интенсивной терапии, предупредит о том, что врач Журналов уже мертвецки пьян и беспробудно спит в своей комнате, расскажет какой-нибудь больничный курьез, случившийся с нерасторопным и забывчивым пациентом, а потом позвонит маме и скажет, что все хорошо, дежурство закончилось без происшествий и скоро она будет дома. А еще попросит передать трубку Антошке и авторитетно сообщит ему:

– Дружок! Я недавно читала в газете про жуткого, лохматого Бабайку, который ворует маленьких детей, если те питаются одними чипсами, не слушаются бабушку и не желают ложиться спать после вечернего мультика.

Она мысленно улыбнулась, представив озадаченное лицо сынишки, и тут же помрачнела, вернувшись взглядом к газетному заголовку. Сыроярские издания пишут, к сожалению, совсем не про Бабайку… Чуть ли не каждую неделю на первой полосе – о «псах» и об их очередной жертве! В Сыром Яру об этих мистически неуловимых преступниках ходят легенды. Болтают,

будто появившаяся несколько лет назад в лесу банда состоит не из беглых уголовников, как об этом заявляют газеты, а из самых настоящих вампиров, оборотней и оживших мертвецов. Чушь, конечно, но что еще думать, если дерзких и жестоких убийц никто не только не поймал, но даже не видел в глаза! Газеты, впрочем, ссылаясь на неких случайных очевидцев и свидетелей, живописуют бородатых, косматых чудовищ в телогрейках с золотыми зубами и огромными ручищами. «Как есть – беглые каторжники! – резюмируют журналисты и риторически вопрошают: Куда смотрят МВД и ГУИН?»

Сыроярская милиция между тем еженедельно рапортует о собственных неудачах: «Введенные в действие планы «Гюрза», «Аркан» и «Стальная петля», к сожалению, пока не дали результатов…» «Оперативная группа блокировала и практически обезвредила преступников, но им в самый последний момент удалось уйти…»

Год назад в области провели армейскую операцию по зачистке леса. Безрезультатно.

Газеты витийствовали: «То ли уголовники и в самом деле заговоренные, то ли они попросту имеют в городе хороших осведомителей – может быть, даже среди милиции – которые заранее успевают предупредить их об опасности. Как бы там ни было, но «псы» (а именно такое прозвище закрепилось за налетчиками) и по сей день продолжают грабить мини-маркеты, магазины, квартиры и частные дома, с особой жестокостью убивая всех, кому не посчастливилось оказаться на их пути».

Маргарита вздохнула. Надо же было в конце дежурства так испортить себе настроение! Ну зачем ей попалась на глаза эта злосчастная газета? Теперь всю дорогу до дома она будет трястись от страха и в каждом позднем прохожем видеть убийцу. Самое лучшее для такой трусихи, как она, – вообще не читать газеты и не смотреть по телевизору криминальные новости. Женечка ей всегда со смехом так и советует:

– Голову в песок, подруга! Попкой наружу! Ничего не вижу, никого не слышу. И как ты, впечатлительная натура, еще умудрилась в медицину податься?

И действительно – как? Тогда, пять лет назад, ей пришлось оставить мысль об институте: беременность разрушила все планы. Она устроилась на работу в регистратуру диагностической поликлиники при городской больнице. Как говорится, и под присмотром врачей была, и денежку какую-никакую зарабатывала. Потом родился Антошка, и пришлось задуматься о смене работы. Маргаритиной зарплаты и материнской пенсии новой семье уже не хватало. Вот тогда главврач Михаил Саркисович и похлопотал, чтобы ее перевели на должность дежурной медсестры в терапевтическое отделение больницы.

– В хирургию тебе нельзя, – заявил он. – Ты, девонька, слишком чувствительная, а медсестра не имеет права бояться крови, не может всякий раз страдать и мучиться в операционной так, будто это ей, а не больному вырезают желчный пузырь! В терапии, конечно, тоже не сахар, но по крайней мере нет рваных ран, сломанных конечностей и выпущенных кишок.

– Я справлюсь, – заверила Маргарита. – Спасибо вам…

Старшая медсестра терапевтического отделения Тамара Игнатьевна – суровая, жидковолосая, сухая, как палка, пятидесятилетняя дама, – отнеслась к новенькой с повышенным интересом.

Однажды она заявилась в сестринскую раздевалку в тот самый момент, когда Маргарита, совершенно нагая, раскладывала белье в своем шкафчике. Тамара Игнатьевна заперла комнату на ключ и, сложив руки на груди, уставилась на девушку. Та смутилась, неловко подхватила полотенце и поспешила в душевую. Старшая медсестра последовала за ней.

– Вам нужна кабинка? – вспыхнула Маргарита. – Я сейчас освобожу…

Вместо ответа Тамара Игнатьевна бесцеремонно развела руки девушки в стороны и с чувством пощупала ее грудь.

– Что вы?.. Зачем?.. – пролепетала та, холодея от страха.

– Помоемся вместе, – хрипло предложила женщина и вмиг скинула с себя одежду. – Я потру тебе спинку…

– Это лишнее, – попыталась возразить Маргарита. – К тому же здесь тесно двоим…

Но Тамара Игнатьевна ее не слушала. Она втиснулась в кабинку, пустила воду и последующие десять минут мыла смущенную девушку мочалкой и руками, как маленькую.

– Теперь ты! – приказала она, протягивая Маргарите гель для душа и чуть заметно раздвигая ноги. – Намыль меня как следует.

Той ничего не оставалось делать, как, преодолевая робость и смущение, размазывать пену по костлявым плечам и дряблой груди своей начальницы. Тамара Игнатьевна помогала ей. Рукой Маргариты она массировала себе ягодицы, терла у себя между ног, заставляя девушку пальцами глубоко проникать в податливую плоть, и тихонько постанывала.

Через полчаса пунцовая от стыда Маргарита вышла из раздевалки в сопровождении старшей медсестры. В коридоре уже образовалась очередь. Несколько сестер и врачей терпеливо ожидали, пока запершиеся в душевой кабине женщины позволят им, наконец, переодеться. Маргарита втянула голову в плечи и поспешила на рабочее место.

– Не дрейфь, подруга, – приободрила ее часом позже Женечка – рыжеволосая, кареглазая, полноватая девушка лет двадцати. – Здесь через такую помывку прошел весь женский персонал отделения. Считай, что наша «вобла» тебя прописала. Теперь ты со всеми одной веревкой… то есть одной мочалкой связана. – И она прыснула беззаботным смешком. – Добро пожаловать в терапию, Риточка!

Так для Маргариты началась работа на новом месте. Потекла череда дневных и ночных дежурств, наполненных заботами и волнениями. В журнале, как в титрах нескончаемого сериала, менялись фамилии больных, медицинские карты мрачно пестрели новыми диагнозами и анамнезами, десятки процедурных листов с лиловой пометкой «выполнено» ежедневно скармливались прожорливым папкам и скоросшивателям, а в стеклянном шкафчике, как в речной воронке, неустанно вертелась карусель этикеток, ярлычков, коробочек, стаканчиков и ампул.

Она бросила газету в мусорное ведро, аккуратно заполнила журнал дежурств, переложила в нужном порядке карты больных, сделала пометки в отрывном ежедневнике и направилась в процедурную.

Ее неприятно удивила тишина, висевшая в отделении. «Странно, – мелькнуло в голове. – Как будто уже ночь и все больные спят, а между тем еще только начало восьмого. – И тут же, кто-то невидимый и жуткий взвизгнул в самом мозгу: – Это не к добру!»

Маргарита остановилась и испуганно заморгала. Длинный, Г-образный коридор тонул в тусклом свечении желтоватых настенных ламп. Дешевые акварельные натюрморты, спрятанные в стеклянные рамочки и развешенные в широких проемах между дверьми, сейчас выглядели черными квадратными прорехами в стенах. Пузырящийся местами линолеум, замытый и затертый до безобразных шанкров, казалось, впитывал в себя и без того скудный свет. В дальнем конце коридора в мигающем калейдоскопе пятен, отбрасываемых включенными мониторами, угадывался пустой сестринский пост палаты интенсивной терапии.

Маргарита прислушалась. Где-то далеко, за лабиринтом лестниц, щелкнул и загудел механизм грузового лифта. Глухо стукнула оконная рама, и под дверью одной из палат жалобно застонал сквозняк.

«Я совсем одна!» – этот мысленный возглас, вполне естественный в пустынном, полутемном коридоре, таил в себе нечто большее, чем просто крик испуганной женщины. Он был, по сути, откровением всей ее жизни.

– Я ведь знаю, Риточка, что у тебя никого нет, – улыбаясь, сказал ей как-то на одном из ночных дежурств врач Журналов – сорокалетний лысеющий мужчина с пивным брюшком, колыхающимся под белым халатом, густыми, колосящимися бровями и крохотным подбород-

ком, гладеньким, как попка пластмассовой куклы. – Полагаю, я мог бы помочь тебе решить некоторые проблемы, связанные с пиками женской гормональной активности.

– У меня нет таких проблем, – мрачно ответила Маргарита.

– Врешь, – ласково констатировал врач и притянул девушку к себе. – Мужчины порой страдают от избытка тестостерона, а одинокие женщины, вроде тебя, мучаются от невозможности получить качественную вагинальную разрядку.

– Повторяю: у меня нет таких проблем. – Она попыталась высвободиться из его рук. – Прошу вас…

– И опять врешь. – Журналов наклонился к ее лицу. – Разрядка, которую ты, скорее всего, сама себе устраиваешь в ванне или под душем, не является полноценным заменителем коитуса. Ты просто обманываешь свой организм, воздействуя на клиторальные рецепторы, а я могу помочь тебе достичь полного удовлетворения.

– Я сейчас вам прокушу руку, – пообещала Маргарита, не сводя глаз с волосатой пятерни, хозяйничающей у нее на груди. – А потом разбужу криком все отделение.

Журналов с явной неохотой отпустил медсестру.

– Дикая ты, – сказал он, нервно поправляя манжеты сорочки, вылезающие из рукавов халата. – Вроде уже и ребенка родила, должна быть полноценной женщиной, а ведешь себя словно восьмиклассница. Впрочем, иные восьмиклассницы тебе фору дадут! – Он цокнул языком и расхохотался. – Ты, Риточка, принца ждешь, что ли? Единственного навек? Пора взрослеть, лапонька, и не быть такой инфантильной!

Эти пошловатые укоры отчасти были справедливы. Маргарита избегала мужчин. Любых. И умных и глупых, и застенчивых и нахальных, и красивых и безобразных. Но совсем не потому, что однажды уже обожглась любовью, а как раз потому, что все еще верила в нее. Она верила в то, что сердце сильнее мозга, знала тысячу оправданий безрассудности и безоглядности, считала «светильником тела» – глаза, а истинной силой – слово. Она сопереживала до слез своей тезке из Булгаковского романа, шептала по ночам Фета и могла десятки раз подряд слушать «Лебединую верность». Ей было дано очарование простых вещей. Она восхищалась безыскусной красотой летнего неба, не боялась неправильных форм и разбитых пауз, находила что-то трогательное и беззащитное в упавшем листе и дождевой капле на оконном стекле.

Наверное, она наивна и даже инфантильна. Возможно, ей пора взрослеть. Но что поменяет опыт, если женская мудрость меряется не годами, а ударами сердца? Любая женщина – пожилая и молодая, искушенная и неопытная, циничная и романтичная, грубоватая и ласковая – все равно верит в любовь. Даже та, что много раз обманывалась в мужчинах, окончательно разочаровалась в любви и отчаялась стать счастливой – вопреки приобретенному с годами холодному прагматизму и напускному цинизму, все равно ждет своего мужчину – единственного, умного, сильного, безрассудного… словом, любящего и любимого.

…Маргарита ждала, что к ней вернется Максим Танкован. Она ни за что не призналась бы в этом никому, даже матери, которая, скорее всего, обвинила бы ее в отсутствии гордости, в безмозглости, слабости и опять, подобно врачу Журналову, – в наивности. Маргарита не торопила долгожданную встречу, но верила, что она непременно случится. Не может быть, чтобы отец ее замечательного ребенка не почувствовал это, не вздрогнул от отчаяния за потерянные в забвении годы, не вытер бы рукавом глаза, растроганно глядя на фотокарточку сынишки. Она хотела быть готовой к его появлению, а для этого должна была всегда хорошо выглядеть – свежо и опрятно, дружелюбно и весело. Даже после двенадцатичасового дежурства – вот, как сейчас. Она хотела быть молодой и красивой, когда в один ненастный день или вечер (такой, как сегодня) он появится вдруг за ее спиной и виновато скажет: «Здравствуй, Марго… Я вернулся, потому что так и не встретил никого лучше, добрее и преданнее тебя». А она грустно улыбнется в ответ…

И Маргарита улыбнулась своему отражению в коридорном зеркале. Со стеклянной глади ей улыбнулись в ответ выразительные синие глаза.

Конечно, она недурна собой. Тонкие черные брови и густые ресницы, аккуратный носик, едва заметная, милая родинка над верхней губой, белая, мраморная кожа, не знавшая пудры, – лицо, возможно, и не с глянцевой обложки, но очень и очень привлекательное. Говорят, она похожа на актрису из сериала «Варварино счастье». Может быть… Родинка точно такая же. И улыбка… Сериал, кстати, неплохой, трогательный, со счастливым концом. Ах, как хочется, чтобы и у нее, как и у Варвары, на которую она так похожа, все сложилось счастливо!

Маргарита еще раз придирчиво оглядела себя в зеркало. Легкая трикотажная блузка под белым халатом ей, без сомнения, шла, хоть и была куплена еще три года назад на распродаже вместе с этой простенькой, но элегантной юбкой. Одинакового светло-синего цвета, они смотрелись единым костюмом, который не только подходил к глазам, но и подчеркивал достоинства ее фигуры.

Ловким движением она освободила волосы от резинки, стягивающей их на затылке в хвост, и они пролились на плечи темными, шелковистыми волнами.

– Кр-р-расотуля! – прорезал тишину хриплый голос, и Маргарита, вздрогнув, обернулась.

Врач Журналов, покачиваясь, стоял в дверях своего кабинета. Он был без халата и без галстука – в мятой, несвежей сорочке, расстегнутой до пупа, и полосатых полиэстровых брюках. – Софи Марсо! Нет, эта… Моника Белуччи!

– Евгений Игоревич, – как можно спокойнее сказала Маргарита, – вам нужно отдохнуть. Ваше дежурство – до утра, а, значит, еще вся ночь впереди.

– А разве не утро уже? – удивился тот.

– Ложитесь спать, Евгений Игоревич.

Журналов потер ладонями глаза.

– А кто сегодня в ночную смену?

– Женечка. – Маргарита посмотрела на часы. – Через сорок пять минут будет на работе.

Дежурный врач поморщился.

– Женечка… Слишком толстовата для меня… К тому же не люблю рыжих… У них… это… попа в веснушках. – Он хрюкнул коротким смешком. – Мне по душе такие, как ты, Моника…

– Вы опять за свое?

Журналов вытер рукавом нос и сложил руки на груди.

– Хочешь начистоту, Софи? Со мной спят все дежурные медсестры! Все до единой! Кроме тебя, недотрога.

– И Женечка не спит, – напомнила Маргарита.

Врач опять поморщился.

– Говорю же, – пробормотал он, – не люблю рыжих и полных. У меня сразу снижается детородная функция. Поэтому твоя Женечка – исключение из правил. Ясно тебе, Ритуля?

– Не поэтому, – холодно возразила та. – Просто Женька любит своего жениха и на других мужчин даже не смотрит.

Журналов нахмурился.

– Глупости. Антропология и биохимия у всех женщин одинаковые. Просто одни – дуры, вроде тебя, а другие посмекалистей да поумнее. Быстро сообразили, лапоньки, что со мной не пропадешь. – Он шумно высморкался в рубашку и неожиданно добавил: – Ко мне в постель даже наш молоденький ординатор прыгнул. Но с ординатором – это ошибка… Неудачный эксперимент. Проверка эректильности на суррогатном материале…

– Вот видите, – покачала головой Маргарита. – Куда уж мне в такую компанию!

– Предлагаю сделку. – Врач почесал кадык. – Будь со мной поласковей… Посговорчивей… А взамен я избавлю тебя от проблем на работе.

– У меня нет проблем на работе.

– Да? – шутовски удивился Журналов. – А эфедрин у кого постоянно пропадает?

– В мое дежурство эфедрин исчез всего один раз, – сказала Маргарита, – но тут же нашелся. Уж не вы ли со мной сыграли такую шутку, Евгений Игоревич?

– Если бы я хотел тебя проучить, – оскалился тот, – то сыграл бы по-крупному. Так, чтобы тюрьмой запахло. Например, спер бы у тебя весь промидол[1]. В ответе – ты да Игнатьевна. Но она – баба ушлая, без мыла выкрутится. Вот и расхлебывала бы ты все одна, девонька…

– Проучить – за что? – Маргарита тряхнула головой. – Зачем вам идти на такую подлость?

– А чтобы ты приползла ко мне на четвереньках! – торжествующе воскликнул Журналов. – Чтобы признала свою… м-м-м… неправоту в отношении ко мне. Чтобы каждое дежурство впредь раскрывала со мной свое либидо!

– Я не хочу думать, что вы мерзавец, – тихо сказала Маргарита.

– Правильно, – кивнул Журналов и опять покачнулся. – Не надо так думать. Я отличный врач, – он покрутил перед ней руками, – прекрасный человек и просто обалденный мужчина!

– Прошу, идите спать, Евгений Игоревич. А мне еще нужно успеть снять показания осциллографа в ПИТе[2] и сверить по описи препараты в процедурной.

– Показания осциллографа? – фыркнул тот. – Да что ты в этом понимаешь, дуреха?

– Спешу напомнить, – сказала Маргарита, – что контроль за ПИТом вообще не входит в мои обязанности. Но как только из-за кризиса уволили вторых дежурных сестер, нам приходится разрываться на два фронта.

– На два фронта! – передразнил Журналов. – Сейчас в палате один-единственный пациент после операции на селезенке. Ему на твои показания – тьфу и растереть! Оклемается – его счастье, даст дуба – опять же – планида такая. И ни ты, ни я, ни осциллограф ничего нового не придумаем. – Он пожевал губами. – Хочешь коньячку?

Маргарита помотала головой.

– И вагинального оргазма тоже не хочешь? – Врач уныло развел руками. – Ну тогда иди, кукуй наедине с осциллографом. – Он попятился обратно в кабинет. –

Что за дежурство такое?.. Мужененавистница в паре с рыжей толстухой!.. Как тут не выпить? – И дверь за ним захлопнулась.

Маргарита покачала головой и двинулась дальше – к мерцающим мониторам сестринского поста.

Палата интенсивной терапии находилась в конце коридора, в торцевой части этажа. Здесь больше не было никаких других помещений, кроме щитового отсека, входом в который и заканчивался коридор. Ни лестниц, ни аварийных выходов – только грузовой служебный лифт с бесшумной железной дверью. Этот лифт служил для перевозки больных из операционной в реанимацию. Нередко им пользовались и лечащие врачи, спешащие к своим пациентам. Сломайся лифт, пришлось бы спускаться по лестнице в другом конце здания, а потом топать по длиннющему коридору через все отделение.

На широком деревянном столе равнодушно моргал экран осциллографа. Рядом потрескивал старый, громоздкий монитор компьютера. Он светился прямоугольниками контрольных таблиц и диаграмм, отображавшими состояние больного в палате за белой дверью.

Шестидесятилетний пациент, помещенный сюда сегодня утром из операционной, расположенной этажом выше, прямо над постом, был подключен к аппарату искусственного дыха-

[1] Сильнодействующий наркотик. Применяется как обезболивающее, анестезирующее, противошоковое средство.

[2] Палата интенсивной терапии.

ния. Медсестры из хирургии болтали, что сердце мужчины остановилось во время операции. Пробовали дефибриллятор – безуспешно. Пришлось вводить в один из желудочков сердца адреналин. Это возымело действие. Но врачи не были уверены, что мужчина выкарабкается. Шестьдесят лет – не восемнадцать, организм может спасовать, отказаться от борьбы.

Хирурги свое дело сделали. Теперь судьба попавшего в ПИТ мужчины была в руках одного Господа Бога.

Маргарита закусила губу. Этот грубый циник Журналов, к сожалению, в чем-то прав: ни он, ни она, ни хирурги ничего уже не прибавят к сделанному. Чаши весов качаются отныне не по их воле.

Но все-таки, пока есть надежда, пока кривящаяся и скачущая на экране линия не превратилась в одну бездыханную прямую, она сделает для больного все, что в ее силах. Она будет бороться за него до конца, и может статься, песчинка ее труда окажется решающей в перевесе упрямой чаши жизни.

Маргарита внимательно вгляделась в экран. Активность мозга – высокая, и радужные всполохи на мониторе похожи на взрывы разноцветных петард. Зато сердце работает неуверенно – зеленая линия скачет с длинными интервалами, то иногда почти совсем замирая, то вдруг неожиданно учащая прыжки.

Она перевела глаза на мерцающую рамку контроля – пятьдесят пять ударов в минуту. Давление – сто сорок пять на семьдесят. Режим вентиляции легких включен девять часов четырнадцать минут назад. Зеленая лампочка показывает: все в норме. Отечественные приборы, привезенные сюда пару лет назад какой-то страховой компанией, по счастью, еще ни разу не дали сбоя.

Маргарита раскрыла журнал, сверилась с часиками на руке, и аккуратно заполнила нужные столбцы. Потом достала карту с показаниями лечащего врача и похолодела: двадцать минут назад она должна была сменить больному капельницу с раствором. Как можно было об этом забыть?!

Она со всех ног бросилась в палату. Это была квадратная комната без окон с белыми стенами и чугунными радиаторами. Две кровати стояли в шаге друг от друга. Одна из них пустовала, на другой, возле которой высилась стойка капельницы, неподвижно лежал человек. Его бело лицо было перекошено из-за эндотрахеальной трубки, торчащей изо рта. Черная гармошка аппарата искусственного дыхания с шипением вздувалась и опадала, заставляя работать его легкие. Мужчина, по видимости, находился в коме. К его груди, лбу, вискам и затылку были прикреплены черные маленькие электроды, их провода встречались в аккуратном зажиме над головой, где сплетались в один толстый провод, ведущий наружу, к энцефаллографу и электрокардиографу. К пластиковой канюле с тыльной стороны руки больного была прикреплена дренажная трубка. По ней из висящего на стойке пластикового мешочка бежал физиологический раствор с адреналином. Жидкость была уже на исходе.

Маргарита с облегчением вздохнула: все в порядке, успела. Она приблизилась к кровати, бегло прочитав табличку, прикрепленную к металлической спинке в ногах больного: «М. Струковский, 1948 г. р. Аневризма аорты», потом проворно перекрыла подачу жидкости, заменила мешочек пластиковой бутылью, полной раствора, подсоединила регулятор скорости капельницы и освободила трубку от зажима. Затем проверила, ничего ли не забыла, убедилась, что все сделала правильно, и, прежде чем уйти, еще раз взглянула на больного. Ей показалось, что бескровные губы, растянутые пластмассовой трубкой, едва заметно шевельнулись, словно мужчина пытался что-то сказать.

Маргарита замерла.

– Вы слышите меня? – тихо спросила она.

Веки на белом неподвижном лице дрогнули.

– Держитесь! – с чувством попросила девушка. – Прошу вас: не сдавайтесь! Вы молодец. Вдвоем мы справимся, вот увидите. – Она дотронулась до его руки с залепленной пластырем канюлей. – Все будет хорошо…

Едва за Маргаритой закрылась дверь, веки больного снова дрогнули и медленно открылись. Ожившие, налитые кровью глаза не отрываясь смотрели на матовую ширму, стоящую в углу комнаты. В расширенных зрачках мужчины плескался ужас.

Узкая, как пенал, процедурная, подрагивающая в свете двух ультрафиолетовых ламп, была уже прибрана и вымыта. В урчащем металлическом ящичке, подключенном к розетке, стерилизовались инструменты, а на деревянном, застеленном новенькой клеенкой топчане высилась стопка чистых вафельных полотенец.

Маргарита включила верхний свет, повозилась со связкой ключей и, отыскав нужный, открыла стеклянный шкаф, снизу доверху заставленный пузырьками, коробочками и ампулами. Внимательно осмотрев содержимое верхней полки, она облегченно вздохнула: эфедрин на месте.

В прошлый раз Тамара Игнатьевна так и не поверила ей.

– У тебя не все в порядке с головой, девочка, – заявила она. – Сначала ты поднимаешь панику на все отделение, что похищены лекарства, пишешь объяснительную, рыдаешь в голос, а потом вдруг обнаруживаешь, что пропажи не было, что все на своих местах. Еще одна такая ложная тревога, и я всерьез задумаюсь о твоем переводе в психиатрический блок. И не в качестве медсестры, а в качестве пациента!

– Я не могла ошибиться, – пробормотала Маргарита. – Верно, кто-то подшутил надо мной…

Сейчас причин для тревоги не было. Сверившись с блокнотом, она тщательно пересчитала пузырьки на нижней полке, обвела фломастером колонку в контрольном листе и решила навести порядок в «таблеточном» ящике. Здесь находились препараты так называемого «поверхностного учета»: аспирин, анальгин, фурацилин, активированный уголь, стрептоцид и глюкоза. Разложив упаковки в нужном порядке и на всякий случай дважды их пересчитав, Маргарита выпрямилась, захлопнула блокнот и аккуратно заперла шкафчик на ключ. Дежурство закончено. Через полчаса Женечка примет у нее смену и – все. Можно ехать домой, к маме и сыну.

Сегодня был обычный день, похожий на десятки других таких же суетных и хлопотных дней. Четверо новых больных, две выписки и обычная череда осмотров, назначений, процедур и уколов. Ничего выдающегося и ничего странного, если не считать мертвой тишины, вот уже час висящей в отделении.

Маргарита устало взялась за дверную ручку, потянула ее на себя и обомлела: дверь не открылась. Не помня себя от удивления, она пощелкала «собачкой» замка, еще раз с остервенением подергала ручку и в немом ужасе опустилась на стул. Процедурный кабинет был заперт снаружи.

Она не могла ума приложить, как такое могло случиться! Дежурная медсестра терапевтического отделения оказалась в ловушке, наедине с гнетущей тишиной, отрезанной от внешнего мира прочной массивной дверью, в которую совсем недавно вставили надежный немецкий замок.

«Ключи от процедурной, ординаторской, бельевой, раздевалки и шкафов с лекарственными препаратами не должны находиться в одной связке!» – инструктировала медсестер Тамара Игнатьевна.

Маргарита выполнила указание.

Теперь одна связка ключей лежала в кармане ее халата, а другая…

Она похолодела. Вторая связка сейчас болталась с той стороны двери!

Получалось, что в полутемном безлюдном коридоре кто-то подкрался к процедурному кабинету и бесшумно повернул ключ в замке! Зачем? Кому понадобилось так глупо шутить над ней? Через тридцать-сорок минут появится Женечка и будет необычайно удивлена и напугана, что оба поста – основной и дежурный у ПИТа – пустуют. Журналов мертвецки пьян. Больные предоставлены сами себе. Тамара Игнатьевна ни за что не поверит в случившееся. В самом деле, дикость какая-то. Фантасмагория.

Неожиданно за дверью, где-то в глубине коридора, голос Мартынова затянул: «Где же ты, моя любимая?.. Отзовись скорей!..»

Песня оборвалась на полуслове, а через мгновение зазвучала опять. «Ты прости меня, любимая, за чужое зло!..»

Маргарита закусила губу. Она оставила свою старенькую «Мотороллу» на столе, рядом с журналом дежурств, и та теперь разрывалась от звонков.

Как глупо оказаться в таком дурацком положении! Совсем недавно она смеялась до слез, когда читала про нерадивого сотрудника зоопарка, который пошел убираться в клетке тигра, выпустил хищника, а сам случайно заперся внутри. Битых три часа бедолага находился в шкуре своего питомца, пока его не освободили сотрудники МЧС.

А теперь она сама оказалась в похожей ситуации. Клетка заперта. Тигр выпущен на свободу, то есть больные остались без помощи. Хорошо, что МЧС в лице Женечки скоро прибудет.

На мгновение Маргарите показалось, что она ошиблась. Дверь никто не запирал, просто что-то заело в немецком замке. Какой-то пустяк, безделица – зацепилась за скобу возвратная пружинка или разбухла от сырости щепа, превратившись в распорку.

Она вскочила со стула и что есть силы дернула ручку на себя. Дверь не шелохнулась. Маргарита присела на корточки, вгляделась в щель между дверью и косяком и ясно увидела гладкий язычок стального запора. Сомнений не оставалось: кто-то повернул ключ в замке.

Ее охватила паника.

– Помогите! – Она забарабанила кулаками в дерматиновую обивку. – Эй, кто-нибудь! Выпустите меня!

Коридор снаружи ответил ей зловещим молчанием.

– Помогите!.. Евгений Игоревич!.. Кто-нибудь!.. Умоляю! Откройте дверь!

«Я хочу, чтоб жили ле-ебеди…» – телефон на ее рабочем столе снова бесполезно завыл в гулкой тишине. Вероятно, звонит Женечка, чтобы предупредить, что, как всегда, опаздывает. А может, это мама?.. Что-то случилось с Антошкой, и она не знает, что предпринять?! – На лбу у Маргариты выступила испарина. – Наверно, сынишка подавился косточкой от абрикоса!.. Или поскользнулся на ступеньках крыльца и ударился головой!.. Боже! Какой ужас! – Она в отчаянии упала на колени перед равнодушно-надменной дверью и обеими ладонями стукнула в податливую, мягкую обивку:

– Умоляю! Ради всего святого!.. Выпустите меня!

Унизительная беспомощность и растерянность уступили место страху. Во рту пересохло, а желудок свело тупой холодной болью. Вероятнее всего, она страдает болезнью, о которой раньше не догадывалась, – клаустрофобией. Виски сдавило, кровь шумно и гулко била в них, как в литавры, и казалось, удары эти были слышны даже в коридоре. Из глаз брызнули слезы.

– Умоляю… – прошептала Маргарита и бессильно опустила руки. – Умоляю…

Через мгновение до нее донесся странный звук. Стараясь унять рыдания и бешеный стук сердца, она приникла ухом к двери. На дерматиновой обивке появилось влажное пятно от слез. В коридоре кто-то пищал тоненьким голоском, и этот мерзкий писк, похожий на предсмертный крик полевки, попавшей в объятия змеи, показался Маргарите знакомым. Она растерла по щекам слезы, силясь припомнить, где могла раньше слышать его. Было похоже, что пищит живое существо, но как-то… ровно, буднично, не делая пауз, чтобы набрать в легкие воздуха. Значит, это искусственный звук. Его может издать… только…

Слезы мгновенно высохли. Маргарита в ужасе уставилась на дверь, боясь поверить в свою догадку. Как тонущий человек, который, чтобы сберечь силы, перестает барахтаться в воде, она замерла на мгновение, и тут же ледяная волна прозрения, отчаяния и страха накрыла ее с головой.

Этот мерзкий писк – не что иное, как сигнал тревоги компьютера, установленного возле палаты интенсивной терапии! Изменение уровня кислорода в крови, резкое падение артериального давления и, наконец, остановка сердца больного – вот три причины, по которым может сработать электронный алармист.

В глазах потемнело. Маргарита почувствовала, что ей не хватает воздуха. Ломая ногти, за которыми всегда заботливо ухаживала, она принялась остервенело царапать дверную обивку.

– Помогите!.. – вместо крика из горла вырвался клокочущий хриплый стон. – По-мо-ги-те…

Писк за дверью, казалось, усилился. Еще мгновение – и он стал походить на свист, а затем перешел в зловещий рев. Оглушительные децибелы взорвали тишину коридора, и она разлетелась в стороны мириадами острых, раскаленных осколков. Дикий рев, как цунами, сотрясал стены, ломился в двери, высасывал внутренности помещений, оставляя в них вакуум. Маргарита зажмурилась и закрыла ладонями уши. Сейчас она будет разорвана в клочья, сметена с лица земли свирепой чудовищной силой. Беспощадный смерч сорвет с петель дверь и закрутит содержимое комнаты в смертельном водовороте, превращая, подобно гигантскому миксеру, мебель, шкафчик с лекарствами, лампы, топчан и саму Маргариту в месиво, грязную кашу.

Неожиданно щелкнул замок – кто-то с той стороны двери повернул ключ – и в то же мгновение ураган стих, а дикий рев уступил место ровному, тоскливому писку. Маргарита испуганно открыла глаза. На пороге возник старик. Он выглядел привидением – бестелесным и невесомым. Пушистые, как у одуванчика, седые волосы, глазки-щелочки, тонкий, будто хрустальный, нос и полупрозрачная кожа, похожая на пергамент, каким прокладывают коробки с зефиром. Казалось, только тяжелые шаркающие тапочки удерживали его тело на весу. Без них он бы плавно взмыл к потолку и растворился в небытии.

– Ты что так надрываешься, сердешная? По полу ползаешь…

Старик участливо наклонился к Маргарите. Та нахмурилась, пытаясь вспомнить, где видела его раньше, и, наконец, сообразила, что ее спаситель – обычный пациент отделения терапии. Она даже вспомнила его фамилию – Битюцкий. Острая пневмония, осложненная приступами стенокардии. Сейчас идет на поправку.

Маргарита тряхнула головой, сбрасывая с себя остатки наваждения, и хрипло пожаловалась:

– Меня кто-то запер…

– Вот оно что… – протянул старик. – А я дивлюсь: в отделении все пищит, а никого нету… Ни врача, ни сестры…

– Да-да… – Она поспешно поднялась с пола. – Пищит… Я уже бегу. – И опрометью бросилась вон.

Старичок проводил ее взглядом и печально вздохнул: – Эх, сердешная… Достанется тебе…

Противный, тонкий звук натянутой струной дрожал в полутемном пустынном помещении. Он закладывал уши, сливаясь в нескончаемый, ровный гул, который заполнял собой все пространство, висел в нишах, струился по стенам, качался под потолком.

Маргарита бежала по бесконечному коридору, мысленно умоляя компьютер ошибиться. Она отчаянно надеялась, что ничего страшного не произошло. Просто перегорела какая-нибудь электронная фитюлька в мониторе, или программа зависла и требует перезагрузки, или перегрелся системный блок, или…

Едва она очутилась возле ПИТа, надежда рухнула.

Диаграммы на экране пожухли и рассыпались, уступив место ярко бордовой надписи System Alarm. Монитор справа выбрасывал нули в рамке контроля. Радужные вспышки энцефалографа угасли, как последний салютный залп, превратившись в моргающее коричневое пятно, а на экране кардиографа застыла безжизненная зеленая прямая.

Не помня себя от страха и отчаяния, Маргарита распахнула дверь в палату и замерла на пороге.

Мужчина лежал на кровати, прогнувшись всем телом, запрокинув голову и сжав кулаки. Эндотрахеальная трубка торчала из полуоткрытого, скривившегося в агонии рта, а в уголках губ розовела застывшая пена. Прозрачные, остановившиеся глаза смотрели в потолок, и в этом мертвом, страшном взгляде, как на пластинке «Полароида», отпечатался животный ужас.

Сделав над собой усилие, Маргарита шагнула вперед и затряслась в рыданиях.

Всего лишь четверть часа назад она обещала этому человеку сделать все возможное для его спасения, уверяла, что поможет ему справиться с недугом и победить смерть, а в итоге не предприняла ничего, не пришла на помощь, не ударила палец о палец. В самый нужный, самый важный, самый страшный момент ее попросту не оказалось рядом. А он, наверно, взывал, надеялся, верил, сжимал беспомощно руки, хрипел, таращился в темноту, из последних сил цепляясь за угасающую жизнь.

А теперь все кончено. Шестидесятилетний мужчина по фамилии Струковский умер, не дождавшись ни помощи, ни даже слов утешения. И виновата в этом она, Маргарита. Случилось непоправимое, и разве может ей служить оправданием заевший замок в процедурном кабинете? Разве может она пенять на обстоятельства, если на кону – человеческая жизнь? Его сердце могло бы еще биться, а легкие, которым помогал аппарат искусственного дыхания, – дышать…

Стоп! Маргарита испуганно вытерла слезы и, моргая, уставилась на черную гофрированную гармошку, сдутую и неподвижную, как меха брошенного на пол баяна. Респиратор не работает! Вентиляция легких отсутствует! А между тем аппарат устроен так, что продолжал бы качать воздух, даже если сердце пациента остановилось.

Она не могла поверить глазам: насос самостоятельно прекратил работу. Значит, в системе произошел сбой! А что, если… Маргарита похолодела. Что, если остановка аппарата и явилась причиной смерти?! Но как можно было подключать больного к неисправному оборудованию? Как можно было увольнять дежурных сестер ПИТа? Наконец, как могла она сама покинуть пост? Ради чего? Чтобы убедиться, что этот проклятый эфедрин никуда не исчез? Слезы опять потекли ручьем. И все же: почему ни с того ни с сего вдруг сама по себе отключилась система искусственной вентиляции легких?

Еще не понимая, что делает, повинуясь какому-то странному предчувствию, Маргарита медленно опустилась на корточки и заглянула под тумбу агрегата. На полу среди скатавшейся в комочки пыли свернулись змеиными кольцами электрические провода. Толстый шнур темно-серого цвета, тянущийся от аппарата искусственного дыхания, был вырван из сети.

2

г. Москва, август 2008 года…

Голая девушка лет двадцати с ухоженным телом и безупречной фигуркой лежала, запрокинув голову, на кровати студенческого общежития МИФИ и судорожно комкала под собой простыню. Сквозь дешевую ситцевую занавеску просачивался утренний свет. Девушка в ужасе зажмурила глаза, цепенея от смертельного холода револьверного ствола, приставленного к ее лбу.

Занавеска билась о подоконник, словно в агонии. Из распахнутого окна в комнату лился будничный перезвон трамваев. Где-то слышались визгливые голоса и смех.

Она вздрогнула, скривила рот, замерла и, наконец, бессильно вытянулась на простыне:

– К… кайф…

Максим Танкован опустил металлический, очень похожий на настоящий пистолет и, усмехнувшись, отбросил его в сторону:

– Зачем тебе этот допинг, Светка? Разве моих усилий недостаточно?

Девушка, не открывая глаз, расплылась в улыбке:

– Ты лучший в мире мужчина! Просто… Ну как тебе объяснить… Дополнительные ощущения. Как приправа к основному блюду.

Максим встал с кровати, собрал с пола раскиданную одежду и кисло пробормотал:

– Значит, я для тебя – основное блюдо, которому все-таки требуется приправа… Такая перчинка в виде игрушечного пистолета.

Светка повернулась на бок и, подперев голову рукой, с удовольствием наблюдала, как ее любовник натягивает джинсы и застегивает рубашку. У нее было простоватое, но милое личико с пухлыми, почти кукольными губками, большие карие глаза с редкими длинными ресницами и копна спутанных пшеничных волос.

– Скажи, – она вдруг посерьезнела, – а ты бы смог по-настоящему?..

– Не понял… – Максим вопросительно уставился на подружку.

– Ну… убить человека… Вот так, глядя жертве в глаза, выстрелить ей в лоб…

Он задумался.

– Пожалуй, смог бы… Все зависит от обстоятельств. А почему спрашиваешь?

– Понимаешь, – она мечтательно возвела глаза к обшарпанному, серому от пыли потолку, – я представляла, что пистолет – настоящий. Это так жутко… – она передернула плечами, – и в то же время – так сладко…

– Ты извращенка, – констатировал Максим. Он оделся, достал из сумки электробритву и, наклонившись к зеркалу, стоящему на колченогом столе, провел рукой по подбородку. – Но мне было с тобой хорошо…

– Было? – с тревогой переспросила девушка. – Почему ты говоришь в прошедшем времени, Максик?

Тот усмехнулся, включил бритву и стал аккуратно подправлять модные тонкие усики.

– Я думаю, – пробормотал он невнятно, почти не открывая рта, – что наши отношения себя исчерпали… Хорошего понемножку…

Светка рывком села на кровати.

– Что ты хочешь сказать?

– Мы расстаемся. – Он выключил бритву, невозмутимо подул на нее и убрал обратно в сумку. – Это наша последняя встреча.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь хлопающей о подоконник занавеской.

– Давай только без сцен, – предупредил Максим. – Ты умная девушка, за то и ценю. Нам было хорошо, мы получили удовольствие друг от друга. Это как… – он прищурился, подыскивая сравнение, – это как прокатиться на аттракционе: свист в ушах, минутный восторг, масса эмоций. Но сеанс заканчивается, кабинка останавливается, мы вылезаем и с улыбкой бредем к следующему аттракциону – согласно купленным билетам. А тот, на котором уже прокатились, вспоминаем с благодарностью и неподдельной радостью. – Он закатал рукава рубашки и отправился в ванную – общую для двух комнат блока.

– Значит, я – карусель? – глухо спросила девушка.

– Скорее – «русская горка», – отозвался Максим, пустив воду и улыбаясь забавной метафоре. – Или даже «пещера неожиданностей».

Но Светке было не до смеха. Губы ее задрожали, а глаза наполнились слезами.

– Мне казалось, – крикнула она, – что ты любишь меня. Что встретились две половинки. Что наш роман – это волшебная книга, в которой…

– Перестань! – Максим поморщился. – Ты же знаешь: я терпеть не могу пафосных и приторных монологов из мыльных опер. Между прочим, если бы по этой твоей «волшебной книге» сняли сериал, то в нем у тебя даже не было бы имени. Ты бы так и значилась в титрах – «девушка из общежития».

– А у тебя там была бы главная роль, не правда ли?

Максим почистил зубы, вымыл щетку, стряхнул ее и сунул в карман джинсов, потом вытер лицо и руки зеленым махровым полотенцем, повесил его на плечо и, прихватив с собой мыльницу и флакончик «Живанши», вернулся в комнату.

– Послушай, я не говорил тебе, что собираюсь провести с тобой всю жизнь, верно? – Он сел на корточки, сложил в сумку туалетные принадлежности и с хрустом застегнул молнию. – Больше того: я никогда не скрывал, как отношусь к женскому полу вообще и к браку в частности.

– Как к аттракциону, – кивнула Светка, растирая ладонью слезы по лицу.

– Нет, – он медленно покачал головой. – Женщины – это чтиво для отдохновения, головоломка на час, ребус, который разгадал и забыл. А брак – это матанализ, понимаешь? Фортран, Ассемблер![3]

– Любовь для тебя – математическая формула?

Максим сел рядом и снисходительно потрепал ее по плечу:

– Нет, конечно. Но в отношениях между мужчиной и женщиной непременно наступает момент, когда нужно включать голову.

– Включил? – Она раздраженно отстранилась от него. – Подсчитал, возвел в степень и вычленил корень?

– Суди сама. – Максим развел руками. – У нас нет будущего. Ты – студентка, я – молодой человек из периферийного городка, еще не вставший на ноги и не добившийся в этой жизни ничего. Твоя стипендия и моя зарплата – это…

– Пошел вон! – Светка резко встала с кровати.

– Правильно. – Максим с явным облегчением кивнул, подобрал с пола сумку, подхватил с вешалки мотоциклетный шлем и направился к дверям. На пороге он обернулся: – Надеюсь, мы оставим друг о друге приятные воспоминания…

– Вон! – повторила девушка.

– Мы – физики, дорогая, а значит, сильны головой, а не сердцем. – И он хлопнул дверью.

Через пару минут его стройная фигура появилась на крыльце общежития.

Максим сбежал по ступенькам, расчехлил старенький мотоцикл «Минск», запаркованный у самого входа, надел шлем и, запрокинув голову, поискал глазами четвертый этаж.

---

[3] Языки программирования.

Светка с тяжелой грустью наблюдала за ним из окна. Поймав его взгляд, она медленно подняла игрушечный пистолет, служивший ей четверть часа назад сексуальной «приправой», прицелилась в теперь уже бывшего любовника и несколько раз щелкнула курком…

– Извращенка, – пробормотал тот и рванул ногой рычаг кикстартера. – Ты просто дура, а не физик!

Он даже предположить не мог, что пистолет еще однажды появится в руке этой девушки. И будет совсем не игрушечным.

Максиму Танковану было двадцать три года, но выглядел он старше своих лет. Как говорили женщины – солиднее.

Пару месяцев назад он окончил институт, в общежитии которого до сих пор появлялся «по старой памяти».

К выпускникам и студентам МИФИ Максим питал особые чувства.

– Мы – физики, – говорил он. – А значит, имеем преимущество перед остальными людьми. Ведь миром правят ум и воля!

В другой раз, где-нибудь в обществе юных абитуриенток, он пояснял:

– Физик – это не профессия и даже не призвание. Это – образ мыслей, отношение к миру, способ существования!

Прагматичный, рациональный, целеустремленный, с проницательными серыми глазами, точеным, словно мраморным, подбородком, тонкими усиками над верхней губой, идеально уложенными на пробор пепельными волосами, Максим походил на прусского офицера времен Первой мировой. Такими изображали австрийцев и немцев в иллюстрациях к новеллам Мопассана и в школьных учебниках по истории. Это забавное сходство отмечали не только однокашники Максима, но и посторонние люди. Однажды, прямо в метро, к нему подошла женщина и, представившись ассистентом режиссера, предложила участвовать в кастинге нового фильма в постановке Рауфа Кубаева на роль какого-то фон Штыца.

– У вас чудесная внешность! – заверила она. – Типажная. В советские времена таких персонажей играли прибалты.

Максим отказался.

– Я не клоун, – сухо пояснил он. – Кроме того, каждый должен заниматься делом, которому учился.

После этого случая среди приятелей за ним закрепилось прозвище фон Штыц.

Максим пять лет учился на программиста. Он с отличием окончил институт и с большим трудом устроился на работу в фирму «Интеллект сервис» – серьезную контору, занимавшуюся поставкой программного обеспечения нескольким оборонным предприятиям.

С Каширки, где располагалось общежитие МИФИ, до работы было рукой подать. На мотоцикле, минуя пробки, – четверть часа, не больше. В девять ноль-ноль он обязан провести магнитной карточкой по светящемуся зелеными огоньками терминалу, установленному на проходной. Ровно в девять, ни минутой позже. За опоздания могут депремировать, лишить зарплаты, а новичка, вроде него, – и уволить.

Максим посмотрел на часы. Без двадцати восемь. Очень хорошо, что неприятный разговор в общаге, который запросто мог обернуться многочасовым выяснением отношений, прошел легко и быстро. «Я думала… что встретились две половинки… что наш роман… волшебная книга…» – Максим усмехнулся. – Оказывается, не все физики умеют включать мозги. Наверное, много зависит от пола, – размышлял он. – Мужчина никогда не потеряет рассудок от глупых речей и сладких объятий. Женщина – может. Она забывает, что абстракция – это прежде всего порядок. Самая абстрактная в мире наука – математика – восхитительна тем, что состоит из гранитных законов и непреложных истин. Но женщина-математик, убежденная,

что стала пленницей абстракции под названием любовь, неминуемо обнаруживает отсутствие законов, логики и хоть какого-нибудь порядка в своей очаровательной головке.

До начала рабочего дня было еще больше часа, и Максим явно успевал заскочить домой – в скромную съемную квартирку в Котляковских трущобах, которую он делил с приятелем Русланом Кушевым. Времени вполне хватит, чтобы сварить себе пельмени или сделать яичницу. Разумеется, можно было бы позавтракать в общаге – у этой глупышки наверняка что-нибудь завалялось в холодильнике, – но тогда пришлось бы переносить тяжелый разговор на потом. Натуральное свинство – поесть, вытереть губы салфеткой и блаженно улыбаясь, сказать: «Ну теперь, кажется, действительно все! Прощай, русская горка!»

Поэтому Максим Танкован поступил благородно. Другой на его месте – какой-нибудь лирик, какой-нибудь Васисуалий Лоханкин – непременно пожрал бы напоследок, пробурчав: «С паршивой овцы хоть шерсти клок».

Он пристроил мотоцикл во дворе между ржавой «Таврией» и унылой, исписанной граффити коробкой-«ракушкой», вежливо поздоровался с дворником-таджиком, которого за глаза называл «военнопленным», и юркнул в подъезд.

– Штыц! У нас гости! – прокричал из ванной Руслан, едва Максим распахнул дверь квартиры. – Точнее – у тебя!

В крохотной прихожей пахло духами, поэтому гадать, какого полу «гости», не приходилось. Лихорадочно соображая, кому из его бывших «русских горок» пришло в голову нанести ранний визит прямо в логово «бессердечного зверя», Максим бросил сумку на галошницу, пристроил сверху шлем и, пригладив перед зеркалом растрепавшиеся волосы, решительно шагнул на кухню.

– Максимка! – Жгучая брюнетка лет двадцати пяти, в пошлом, аляповатом топике, из-под которого бесцеремонно и своенравно вываливалась складка дрожащего животика, радостно поднялась ему навстречу. – Ты все такой же красавец! Даже еще похорошел!

«Не могу ответить тем же», – мысленно пробормотал тот, а вслух произнес с улыбкой: – Ларочка! Вот так сюрприз! Какими судьбами?

Они расцеловались, как светские львицы на богемной вечеринке – касаясь друг друга щеками и чмокая воздух.

– Ты извини, – предупредил Максим, – я заскочил на пять минут позавтракать, поэтому времени в обрез. Ты рассказывай, рассказывай, а я пока что-нибудь сварганю.

– Я проездом в Москве, – пояснила брюнетка. – Твои умоляли меня заскочить к тебе, проведать, передать гостинцы. – Она ткнула пальцем в пакеты, сваленные на столе.

Максим уже достал с полки кастрюльку для пельменей, но теперь передумал, сунул ее обратно и потянулся к пакетам.

– Кулебяка! – обрадовался он, извлекая пирог в промасленной бумаге. – Как это кстати!

– Вспоминаю тебя часто, – улыбаясь, продолжала девушка. – Из нашего класса, ты знаешь, все разъехались по столичным городам. В сибирской глуши никому неохота оставаться.

– Ну, ты же осталась, – возразил Максим, с наслаждением жуя пирог. – И не одна…

– Да, – подтвердила Ларочка. – Сашка Корж никуда не уехал. Работает в милиции и чувствует себя вольготно. Прямо-таки хозяин! Обложил данью коммерсантов…

Максим оторвался от кулебяки и с тревогой поднял глаза:

– Моих родителей тоже… обложил?

– Ну какие же они коммерсанты! – рассмеялась брюнетка. – Ваша гостиница как была в убытке, так и осталась. Милиции и властям такие бизнесмены не интересны.

– Ничего, – кивнул Максим. – Вот разбогатею – мои старики будут жить, как у Христа за пазухой.

– И как скоро это случится? – игриво поинтересовалась Ларочка, с театральной многозначительностью обводя взглядом скромную кухню.

Максим почувствовал необходимость в ответном уколе.

– Очень скоро, – пообещал он, – через каких-нибудь пару лет. Раньше, чем ты замуж выйдешь.

Девушка насупилась.

– А я и не спешу, – буркнула она. – Только не подумай, что я тебя жду! Я ж не такая дуреха, как Марго…

Максим опять перестал жевать и неодобрительно посмотрел на Ларочку.

– Ладно, ладно… – примирительно прощебетала та. – Ну что мы, ей-богу? Три года не виделись, а едва встретились – сразу ссоримся.

– Два года, – поправил Максим. – Я приезжал на каникулы позапрошлым летом.

– Это невозможно забыть. – Девушка накрыла ладонью его руку. – Нам было так хорошо…

Он мягко отстранился и, откусив пирог, небрежно поинтересовался:

– А как там Ритка? Замуж не вышла?

– Марго? – хохотнула брюнетка. – Я ж говорю: тебя ждет! Работает, сыночка растит… Мальцу-то уже… – Она подняла глаза к потолку. – Погоди… Когда ты уехал в Москву?.. Ага… Пять лет тому… Значит, тебя проводили, а через девять месяцев она родила… Сколько, выходит, мальчишке-то?..

Максим хлопнул ладонью по столу.

– Ну, хватит!

На пороге возник Руслан – невысокий, темноволосый, крепко сбитый молодой человек с подвижным лицом и смеющимися глазами.

– Уже шумишь? – подмигнул он приятелю, вытирая полотенцем мокрые волосы. – Ты не забыл, Штыц, что сегодня твоя очередь готовить завтрак?

Максим поднялся из-за стола, стряхнул с рубашки хлебные крошки и указал на пакеты:

– Здесь полно всякой вкусной еды. Подкрепляйся.

– Уже уходишь, Максимка? – взволновалась брюнетка. – Мне так хотелось пообщаться! Мы ведь не виделись сто лет!

– Два года, – холодно поправил тот. – Увидимся еще через два, когда я разбогатею, а ты выйдешь замуж.

Ларочка встала, и ее животик колыхнулся под топиком.

– А в этом году тебя не ждать? – тихо спросила она. – Твои старики очень скучают…

– Я им позвоню, – пообещал Максим и, выходя, помахал рукой: – Привет Коржу!

Девушка проводила его взглядом, в котором одинаково читались растерянность и досада.

– Он на работу опаздывает, – виновато пояснил Руслан, когда за приятелем закрылась дверь. – Серьезная контора, строгие правила… А вы не торопитесь, девушка. Посидим, пообщаемся…

Разговор с бестолковой Ларочкой оставил неприятный осадок в душе Максима.

Эта дуреха за пять минут умудрилась напомнить ему обо всем, что он так тщательно прятал на самом донышке совести. Словно кто-то встряхнул холодную стеклянную колбу, забытую нерадивым студентом в лаборантской, и мутная, тяжелая взвесь поднялась и завертелась грязным калейдоскопом. В этой тревожной карусели замелькали знакомые лица: родителей, едва сводящих концы с концами в своей маленькой двухэтажной гостинице, отстроенной отцом еще в начале девяностых, Сашки Коржа с его стальным, презрительным взглядом, Маргариты…

Максим дал слово навещать своих стариков дважды в год, но за все время учебы появился в родном городке лишь однажды – позапрошлым летом.

За целую неделю отпуска он даже толком не поговорил ни с матерью, ни с отцом – гулял всласть, пропадал в единственном на весь город ночном клубе, потом спал до полудня, обедал на первом этаже гостиницы вместе с редкими постояльцами, спешно приводил себя в порядок и опять убегал. А когда пришла пора возвращаться в Москву, попросил у родителей денег взаймы, расцеловался с ними – и уехал.

Сашка Корж возненавидел Максима, когда тот увел у него невесту.

Им было по восемнадцать. Коржа призвали в армию, а Танкован получил отсрочку, потому что собирался поступать в столичный вуз. Рекомендацию в инженерно-физический институт ему дал лично мэр Сырого Яра – Серафим Николаевич Мазепа – сам физик по образованию и меценат по призванию.

Рита считалась девушкой Коржа. Красивая, стройная, с темными волнистыми волосами и огромными синими глазами, она была объектом тайного вожделения всех одноклассников. Корж, напротив, красотой не отличался. Коренастый, коротко стриженный, с маленькими колючими глазками, грозно сверкавшими из-под тяжелых бровей, он был отчаянным драчуном и безнадежным двоечником.

Марго и Сашка дружили с восьмого класса. Провожая его в армию, она подарила ему собственноручно вышитый платок с незатейливым: «Другу и защитнику от Маргариты».

Максим толком не мог себе объяснить, зачем ему понадобилось соблазнять невинную и честную девушку. Возможно, он хотел сделать больно Сашке – этому беспардонному и безмозглому дворовому хулигану, уверенному в том, что кроме кулаков другой силы нет. Ему искренне хотелось понять, что же такого привлекательного умные и красивые девушки находят в мужчинах, подобных Коржу?

Разгадка таила в себе ответ и на еще один интересный вопрос: что в глазах Маргариты более ценно – ум или грубая сила? Кто для нее победитель – боксер или шахматист?

– Мы с Сашкой хорошие друзья, – улыбнулась Маргарита, когда Танкован напрямую спросил ее об этом. – Он ершистый, задиристый, но в душе – ранимый и беззащитный.

– Друзья? – усмехнулся Максим. – Разве женщинам нравятся пустоголовые мужчины?

Это был тактический ход. Часть задуманного плана. Прямой вопрос, содержащий дилемму, обязательно запишется в памяти. И непременно всплывет опять, когда девушка сама по-настоящему об этом задумается.

– Сашка – чудесный товарищ, – серьезно ответила Маргарита. – Добрый, чуткий и верный.

«Верный, – язвительно повторил про себя Танкован. – Посмотрим, можно ли то же самое сказать о тебе!»

Он вдруг твердо решил соблазнить эту девушку.

«Привет Коржу!» – эту фразу, брошенную Ларочке пять минут назад на кухне, Максим мысленно выпалил тогда, в восемнадцать лет, облегченно застегивая брюки после того, как все «свершилось».

Он рассчитал все правильно. Марго – из тех девушек, что любит ушами. То есть, если быть точным, она относится к *большинству* девушек. Или даже так: она похожа на *всех* неглупых девушек. Однако при живом уме ей удается оставаться романтичной и даже наивной. Набор качеств, присущих лирику. А, значит, кому, как не физику, ими воспользоваться? Условия задачки просты. Когда знаешь, чему равен икс, она решается быстро.

И он ее решил.

Маргарита увлеклась физиком, потому что он дал ей то, чего не мог дать боксер. Максим был способен часами рассказывать девушке всякую всячину, мгновенно, по глазам определяя, интересен ли ей рассказ, и если нет, непринужденно и быстро менял тему. Он, до тошноты ненавидящий даже само словосочетание «прогулки при луне», бродил с Маргаритой по теплым, уснувшим улочкам городка, мысленно потешаясь над тем, что такое бестолковое и

совершенно бесполезное явление, как лунный свет, может окончательно запудрить и отупить женские мозги. Он аккуратно и бережно целовал ей пальцы, в то время как боксер, наверное, всегда пытался пощупать грудь. А еще он рассказывал ей про нее же саму. Восхищался ее глазами, умом, добротой, чуткостью, тонким душевным складом, умением слушать и сопереживать, в то время как боксер наверняка плел что-нибудь про ягодицы, бюст и осиную талию.

Вечером, накануне своего отъезда в Москву, Танкован получил то, чего добивался.

К его удивлению, Маргарита оказалась девственницей. Боксер, надо полагать, ничего не успел. Танкован и здесь его обошел. Знай он заранее это обстоятельство, то потрудился бы обставить все красиво. Первая близость для женщины – минута не менее романтичная и волнительная, чем прогулка при луне.

Впрочем, и так все получилось вполне прилично. Они заперлись на втором этаже семейной гостиницы Танкованов, в крохотной комнате, где кроме узкой кровати, небольшого круглого стола и двух венских стульев никакой другой мебели не было. На одной стене висела дешевая репродукция Рубенса в пластмассовой рамке, а на другой, прямо над кроватью, – старомодный гобелен с оленями.

Приятная негромкая музыка, необходимая в таких случаях, звучала из мобильного телефона, в памяти которого умещалось всего шесть песен. Шампанского, цветов и зажженных свечей не было. Зато был недурной глинтвейн, а чудесная летняя ночь за распахнутым окном пахла костерком и сиренью.

Она не сопротивлялась, когда он снимал с нее платье, только стыдливо прикрыла ладонями груди и шепотом попросила:

– Погаси свет…

Максим щелкнул выключателем, прижал девушку к себе и медленно опустился с ней в яркое пятно лунного света, дрожащее на свежей, накрахмаленной простыне.

Привет Коржу!..

Краснея и тушуясь, Марго призналась Танкованy в любви, а тот пожал плечами:

– Прости, я не знаю, что это такое.

– Ты… разве не любишь меня? – вспыхнула девушка.

– Пожалуй, люблю, – нахмурился Максим. – Но мы, видимо, по-разному понимаем это слово. Я вкладываю в него все, что является движущей силой на пути сближения полов.

– Что за… цинизм! – воскликнула Маргарита.

– Это не цинизм, – возразил он, – это здоровый прагматизм. Взаимное влечение мужчины и женщины называют любовью. А если кроме влечения у обоих еще и серьезное материальное положение, позволяющее твердо стоять на ногах, тогда можно говорить о браке. – Он неловко откашлялся и натянул брюки. – Мы о браке говорить не можем, Марго…

Максим укатил в Москву, даже не зная, что девушка забеременела. Позже родители написали ему обо всем, но он скомкал письмо. Он всегда слышал только то, что хотел слышать, а то, что было неудобным и неприятным, – выбрасывал из памяти вон.

Максим не желал признавать, что поступил подло. «Это ее проблема, – успокаивал он себя. – Надо было головой думать, а не летать в сомнамбуле при луне!»

Он запихнул угрызения совести на самое дно своего походного чемодана, забросал сверху шмотками и защелкнул на оба замка. Эти угрызения были вполне материальны. Они имели вид маленькой фотокарточки, присланной ему год назад Маргаритой. На снимке она прижимала к груди русоволосого мальчугана, как две капли воды похожего на Максима. Тот сначала опешил, а потом разозлился. «Никто не смеет напоминать мне о моих ошибках!» – Он хотел порвать фотографию, но в последний момент передумал и просто спрятал ее подальше. И заставил себя не вспоминать ни о Маргарите, ни о своем маленьком сыне.

И вот эта дура Ларочка бесцеремонно напомнила ему и о Марго с ребенком, и о затаившем обиду Корже. Теперь, став влиятельным ментом, этот мужлан спокойно может осуще-

ствить свою угрозу отомстить Максиму. «Он обложил данью коммерсантов…» Корж не упустит возможности поиздеваться над пожилыми родителями Танкована!

Максим выскочил из подъезда – и тут же остановился как вкопанный. Возле его мотоцикла, нахально облокотившись на рулевую раму, стоял незнакомый высокий брюнет в иссиня-черном костюме и белоснежной, расстегнутой на две верхних пуговицы сорочке с модным воротником. Он покуривал сигарету, небрежно и неторопливо выпуская дым, и лениво щурил карие глаза на десятки утренних солнц, кувыркавшихся в оконных стеклах.

– Это моя машина! – на всякий случай хмуро предупредил Максим, шагнув к незнакомцу.

– Я знаю, – спокойно кивнул тот и, сложив губы трубочкой, выпустил сизую струйку дыма.

Ему, наверное, было немногим за сорок. Копна густых черных волос, испачканных сединой, моложавое смуглое лицо, орлиный нос, волевой подбородок и сеточка морщин в уголках глаз.

Максим взялся одной рукой за руль:

– Тогда посторонитесь, мне нужно ехать.

– Максим Танкован? – невозмутимо уточнил мужчина, даже не думая отходить от мотоцикла. – Если бы ты взял за правило ночевать дома, мне не пришлось бы приезжать сюда в третий раз.

– Вероятно, я забыл внести вас в список своих опекунов! – огрызнулся тот. – Вы что, следите за мной?

– Слежу, – простодушно подтвердил незнакомец. – Но все время теряю из виду. Караулить тебя у подъезда – это как играть в лотерею «шесть из сорока пяти».

– Кто вы?

– Твой добрый ангел. Моя фамилия Свирский.

– Что вам нужно, ангел? Учтите: мотоцикл я вам не отдам, даже, если вы вооружены. Я угрохал на него все свои сбережения и поэтому…

– Зачем мне эта рухлядь? – усмехнулся незнакомец и отбросил сигарету. – Бампер на моей машине стоит в два раза дороже.

– Рад за вас. – Максим всем видом показал, что не намерен продолжать разговор. – Пустите, я опаздываю.

Свирский и бровью не повел.

– Тебе не помешает взять что-нибудь посолиднее, – нахально заявил он. – Как насчет «икс пять»? Или «Порше Кайен»? – Он лукаво прищурился и цокнул языком. – Впрочем, если ты заядлый байкер, можно подобрать и доброго коня. Например…

– Может, хватит? – у Максима лопнуло терпение. – Или вы немедленно отойдете от моего мотоцикла и дадите мне спокойно уехать…

– Или?.. – полюбопытствовал мужчина.

– Или я вызову милицию!

Свирский расхохотался так, что чуть не потерял равновесие.

– Позвони им, – разрешил он, давясь от смеха. – Пожалуйся, что незнакомый мужчина навязывает тебе в подарок крутой внедорожник!

– Вы ненормальный, – догадался Максим и досадливо поморщился: – Мне сегодня с утра не везет на встречи.

– Ненормальный? – весело переспросил Свирский. – Открою тебе одну тайну: сейчас нет на свете человека нормальнее, умнее и предприимчивей меня!

– Что вам нужно?

– Бампер от твоего крутого внедорожника. – Мужчина вдруг перестал смеяться.

– Бампер? – деловито уточнил Максим, кивком показывая, что ему известны такие симптомы душевной болезни.

– Это аллегория, – сухо пояснил Свирский. – Нам нужно потолковать. Давай поднимемся к тебе в квартиру…

Максим усмехнулся.

– Может, вас еще и обедом накормить?

– Хорошая мысль, – оценил Свирский. – Я, кстати, сегодня не завтракал по твоей милости.

– Пельменная за углом. А я повторяю: мне нужно ехать.

– А мне нужно с тобой поговорить. – В глазах мужчины мелькнул злой огонек. – Полагаю, этот разговор будет очень интересным для нас обоих.

– Я понял! – Максим скривился. – Вы – гей!

– За такие предположения морду бьют, – буркнул незнакомец. – Я вчера приехал из Сырого Яра и собирался поговорить с тобой о твоих родителях!

– О родителях?! – Максим опешил. – Что с ними? Они здоровы?

– Пока все в порядке, – уклончиво ответил Свирский. – Но…

– Говорите! – потребовал Максим. – Что вам известно о них?

– Не здесь, – покачал головой незнакомец. – Либо мы сейчас поднимемся к тебе…

– Я опаздываю на работу, – досадливо поморщился Танкован. – Мне нужно быть там ровно в девять, ни минутой позже.

– …либо ты подъедешь ко мне, – закончил мужчина. – Вот адрес. – Он протянул сложенную вчетверо бумажку. – Лучше не ждать конца дня. В обед сможешь вырваться?

– Я попробую, – помедлив, кивнул Максим и развернул бумажку. – Проспект Андропова… Буду у вас четверть третьего. – Он внимательно посмотрел Свирскому в глаза. – Речь точно о моих родителях? Вы меня не разыгрываете?

– Точнее не бывает, – заверил тот. – Повторяю: разговор покажется тебе крайне интересным. – Он отлепился от мотоцикла и двинулся прочь. – До встречи…

Максим проводил его взглядом, потом надел шлем и вздохнул:

– День с утра не задался…

Фирма «Интеллект сервис» занимала два этажа небольшой кирпичной постройки 70-х годов. Незатейливое грязно-белое здание, вплотную обнесенное забором из сетки рабицы, тонуло во дворе, окруженном полудюжиной жилых панельных домов. С тыльной стороны к нему примыкал ряд металлических гаражей, а с фасада, у въездных ворот, высилась серая трансформаторная будка. Сотрудники и посетители парковали свои авто в два, а то и в три ряда прямо здесь, на крохотном асфальтном пятачке между будкой и воротами.

Максим пристроил мотоцикл рядом с зеленым «Ниссаном» Лиснянской – его непосредственной начальницы, с печальной ухмылкой отметив про себя, что будь у него крутой внедорожник, искать место для паркинга пришлось бы очень и очень долго.

Он провел карточкой по терминалу на служебном входе без трех минут девять.

Анна Лиснянская – начальник отдела, грубоватая женщина лет сорока пяти, с пышным начесом тонких, пережженных волос и яркой косметикой на круглом лице – вызвала Максима к себе в кабинет.

Неизвестно, каким образом эта дама сделала себе карьеру в конторе программистов, поскольку не имела ни специального, ни какого-либо иного образования, однако в нынешней должности она работала уже почти пять лет. Вполне вероятно, начальство ценило ее за деловую хватку, умение разводить клиентов и поддерживать жесткую дисциплину в «богемном» коллективе, хотя, по мнению многих в этом заведении, ей самое место – у прилавка винного магазина.

– Танкован, – приветствовала она его низким грудным голосом. – Молодец! Мне нравится, как ты работаешь, и ты пока единственный, кто ни разу не опоздал.

– Стараюсь, Анна Ильинична, – улыбнулся Максим. – Смею вас заверить, я очень серьезно отношусь к своей работе, и в моих планах стремительная карьера.

– Стремительная? – прищурилась Лиснянская.

– По заслугам, – уточнил он.

– О заслугах говорить рано, – философски заметила начальница. – Ты здесь еще без году неделя, и я хотела бы узнать о тебе как можно больше. Кто ты, чем живешь, чем дышишь… – Она поправила прическу, переложила с места на место бумаги на столе и наконец глухо закончила: – Сегодня пообедаем вместе. Поговорим о то, о сем…

Максим замялся.

– Что-то не так? – насторожилась Лиснянская.

– Мне лестно ваше предложение, – пробормотал он. – Но сегодня, боюсь, не получится… Понимаете, один человек назначил мне встречу как раз в обеденный перерыв. Это очень важно для меня, поскольку речь пойдет о моих родителях.

– Значит, пообедаем в другой раз, – улыбнулась Анна Ильинична. – Ступай, работай.

В полдень один из сотрудников отдела вывалил на рабочий стол Танкована толстенную папку с бумагами.

– Лиснянская распорядилась, чтобы ты проверил эти документы до конца дня, – пояснил он.

– Начинается… – вздохнул Максим. – Этот обед мне еще икнется.

– Что? – не понял сотрудник.

– Скажи, что я все сделаю, – буркнул он.

В два часа Максим выключил компьютер, захлопнул папку, подхватил шлем и спешно двинулся к выходу. На пороге возникла Лиснянская.

– Опоздаешь с обеда хоть на минуту – будешь уволен, – холодно предупредила она.

– Буду вовремя, Анна Ильинична, – пообещал Максим и добавил шепотом: – А вот завтра, если и опоздаю, то вместе с вами.

На круглом лице начальницы появилась презрительная гримаса, но Лиснянская ничего не ответила. Она проглотила эту фамильярность.

На улице, миновав ворота центрального входа, Максим огляделся по сторонам и в сердцах пнул ногой «Ниссан»:

– Ты у меня скоро по-другому запоешь, сучка, – процедил он, потом оседлал мотоцикл, еще раз сверился с бумажкой и, крутанув ручку газа, вихрем вылетел со двора.

Дом, указанный в адресе, представлял собой П-образную двенадцатиэтажную постройку, выходившую фасадом на проспект Андропова, а подъездной стороной – на маленький скверик с детской площадкой, низкорослым кустарником и дюжиной тополей. Огромная кирпичная арка служила единственным въездом во двор и, соответственно, выездом со двора на улицу, поэтому под ней постоянно собиралась вереница ревущих машин, пытающихся разъехаться в разные стороны. Жилые подъезды с тыльной стороны здания соседствовали со служебными выходами из магазинов и складов. Здесь круглые сутки кипела жизнь: рычали грузовики, гудели легковушки, ругались люди, а в воздухе плавали запахи жареной картошки, протухшего мяса и хлорки.

Максим зарулил в арку, дважды объехал по периметру двор, подыскивая место для парковки, и наконец остановился с тыльной стороны продуктового магазина у самого пандуса, по которому грузчики затаскивали в подсобные помещения ящики с мороженой рыбой.

Второй подъезд. Нехитрый код домофона: «1 3 5».

Возле хлопающей двери лифта, со стальной сеткой и крохотным окошком, Максим замешкался. У него вдруг отчаянно заколотилось сердце. А вдруг это ловушка? Что, если обещанный разговор о родителях – лишь приманка, а на самом деле странный незнакомец в черном костюме попросту устроил ему западню?

Он вдруг отчетливо представил себе стальной взгляд Коржа. «Я отомщу Танковану! Я уничтожу этого подонка!»

В то же время очень много странностей в поведении Свирского. Он не боится выглядеть чокнутым, эпатажным и даже злым, а ведь когда расставляют силки и заманивают в капкан, обычно, наоборот, стараются казаться простыми, убедительными и дружелюбными.

Что он там болтал? Какую-то чушь, выдаваемую за аллегорию. Ему нужен бампер от машины Максима… Полная ерунда. А что в его словах имеет смысл? Сырой Яр! Сработало как пароль. Вот почему Максим поверил этому типу. А тот, отвечая на вопрос о здоровье родителей, напустил туману: «Пока все в порядке, но…» Что значит – «пока»? И что следует после «но»? Похоже, Свирский дал ему понять, что со стариками может что-то случиться и от Максима, от какого-то его решения зависит их судьба, а может, и жизнь. Смахивает на шантаж. Неужели все-таки Корж?!

Квартира номер сорок три оказалась на шестом этаже. Максим поднимался пешком, чтобы не промахнуться. Запыхавшись скорее от волнения, чем от подъема, он остановился перед гладкой деревянной дверью из мореного дуба с круглой шершавой ручкой и прислушался.

Свирский явно был дома не один.

– Обними меня покрепче! – потребовал женский голос. – И поцелуй…

Танкован поморщился. Какого черта этот тип назначил ему встречу на четверть третьего, если у него романтическое свидание?

– Я хочу тебя, – не унималась женщина за дверью.

– Потерпишь, – буркнул Максим и надавил кнопку звонка.

По квартире разлилась соловьиная трель. На мгновение за дверью воцарилась тишина, а потом до Танкована донеслись странные чавкающие звуки, переходящие в прерывистое оханье.

Женщина, кажется, добилась своего. Она стонала, не обращая ни малейшего внимания на чириканье дверного звонка.

– Да, милый!.. Да!.. Ох, еще… Еще!..

Максим удивленно прислушался, наклонился вперед и чуть не оступился: незапертая дверь бесшумно открылась, и он машинально шагнул внутрь квартиры.

Теперь стоны звучали неестественно громко. Они доносились из открытой комнаты в конце прихожей.

Максим на всякий случай осмотрелся. Стены оклеены темно-красными обоями, под ногами – почерневший от времени паркет, рядом с входной дверью – полуоткрытый раздвижной зеркальный шкаф. Танкован мельком взглянул на свое отражение. Удивленный взгляд, прилипшие ко лбу волосы, полуоткрытый рот. Он выглядит полным идиотом. Как именуют тех, кто любит подсматривать в замочную скважину? Вуайеристами?.. Тьфу!..

– Я пришел! – раздраженно крикнул он. – Извините, но у вас не заперто!

– Да, милый!.. Да!.. – не унималась паскудная бабешка в комнате. – Ты – лучший!.. Ты – непревзойденный любовник!

Ты– основное блюдо!

Максим сжал кулаки от злости.

– Мы договорились на четверть третьего! – громко напомнил он. – У меня очень мало времени, я могу опоздать на работу!

– А-а-а! – закричала женщина. – О-о-о! – Она достигла пика наслаждения.

Сообразив, что наступила развязка, Танкован плюнул на условности и решительно шагнул в комнату.

– Прошу меня простить… – Он в замешательстве замер на пороге.

Это была и гостиная и спальня одновременно. Убранство жилища состояло из разобранной тахты, круглого стола с двумя деревянными стульями, секретера образца 80-х и огромной бельевой тумбы, на которой потрескивал кинескопом старый телевизор LG. На экране обнаженная дива, остывающая от бурного соития, ласкала губами волосатую грудь своего партнера. Тонкий DVD-плеер, пристроенный прямо на телевизоре, отсчитывал сороковую минуту фильма с «клубничкой».

Свирский был одет в тот же самый иссиня-черный костюм, только белоснежная сорочка под ним была грязной и мятой. Утренний знакомец Максима лежал на полу в безобразной черной луже между столом и тахтой. Его рот был приоткрыт, орлиный нос еще больше заострился, а на лице, которое успела залить смертельная бледность, застыла гримаса отчаяния.

Танкован в ужасе уставился на распластанное тело и почувствовал, как у него слабеют колени, а к горлу подкатывает дурнота. Плохо соображая, что происходит, он попятился в прихожую, оступился на щербатом паркете и рухнул навзничь, больно ударившись локтем о пол. Это падение и боль на секунду привели его в чувство. Он выкрикнул что-то бессвязное, вскочил на ноги, стуча зубами от внезапного холода, пронизавшего тело, распахнул входную дверь и опрометью бросился вон.

3

Наступивший день грозил обернуться для Маргариты продолжением вчерашнего кошмара.

Она работала два через два, то есть сегодня у нее второе дневное дежурство, потом – два выходных, а за ними – ночные смены.

В 8 часов она распахнула дверь терапевтического отделения и поморщилась. В нос ударили запахи приготовленной пищи. Маргарита вспомнила, что ничего не ела со вчерашнего дня, но при этом она совсем не чувствовала голода. Наоборот, запахи близкой кухни сейчас вызывали у нее тошноту.

Возле столовой уже образовалась небольшая очередь в ожидании завтрака. По коридору с озабоченным видом сновали ординаторы и медсестры. Ходячих больных выгнали из палат, чтобы произвести там проветривание и уборку, и они кучковались в холле, кашляя и шаркая тапочками по линолеуму. Кто-то кого-то громко распекал в кабинете старшей медсестры, а из процедурной доносились раздраженное звяканье инструментов, хлопанье дверец и визгливое рычание электродрели. Обрюзгший, краснолицый слесарь в грязном синем халате и засаленном берете, сидя на корточках и ежеминутно изрыгая проклятия, возился с дверным замком.

Женечка сидела за столом сестринского поста и с усталым видом заполняла журнал дежурств, ежеминутно сдувая со лба рыжую непослушную челку, норовившую закрыть ей глаза. Крохотный носик, усыпанный веснушками, казалось, стал еще меньше и напоминал сейчас выпуклую пуговицу от демисезонного пальто. Розовые пухлые губки шевелились, как у отличницы, старательно выводящей в тетради падежные окончания.

– Ты бы дала мне какую-нить таблеточку, сестричка, – упрашивал ее пожилой тучный мужчина в несоразмерно узком спортивном костюме и вязаных шерстяных носках. – Все нутро болит.

– Скоро начнется обход, – буркнула та, не отрываясь от своего занятия. – Получите назначение – будет вам и таблетка, и конфетка, и какава с чаем. – Она повернула голову к больным, топчущимся у стенда с вырезками из медицинских журналов и расписанием диет: – Ишаков! Где градусник?

– Иншаков, – виновато поправил ее прыщавый молодой человек в круглых очках, извлекая из-за пазухи халата термометр. – Тридцать семь и четыре…

– Практически здоров, – резюмировала Женечка и, увидев Маргариту, приветственно махнула рукой: – Привет, подруга! По тебе часы сверять. Небось, спала-то от силы два часа?

– Вообще не спала, – вздохнула та, пристроив на стол сумочку и снимая с вешалки белый халат. – Легла в три, ворочалась, мучалась, а полседьмого прозвенел будильник.

– Сочувствую, – покачала головой Женечка. – Без сна заступать на второе дежурство – сплошная пытка. По себе знаю. – Она раздраженно цыкнула на больного, который продолжал канючить и просить «таблеточку», и вновь повернулась к Маргарите: – Сделать тебе кофейку, подруга?

Та благодарно улыбнулась:

– Спасибо.

Женька ей здорово помогла вчера, несмотря на то, что опоздала почти на полчаса. Без ее поддержки и утешения Маргарите пришлось бы совсем худо. Прямо с порога, едва узнав, что произошло, она решительно взялась за дело: попыталась растолкать спящего Журналова, объяснилась с реаниматорами и дежурным врачом хирургии, которых вызвала Маргарита, запротоколировала и документально оформила летальный исход в ПИТе, проконтролировала транспортировку тела в морг и потом до двух часов ночи отпаивала рыдающую подругу успокоительным. Кроме того, Женечка взяла на себя труд все обстоятельно доложить заведующей

отделением, которую разбудила телефонным звонком, и не преминула в разговоре сделать выводы о виновниках происшествия.

– Мы потеряли больного из-за главврача, который уволил вторых дежурных сестер, – заявила она. – И конечно, из-за пьянства Евгения Игоревича Журналова! Пока не будут сделаны соответствующие выводы, палату интенсивной терапии нужно переименовать в ПЛИ – «палату летальных исходов»!

– Спасибо тебе, – повторила Маргарита. – Но выпить кофе, наверное, не получится. – Она кивнула в сторону коридора. К сестринскому посту решительно шагала Тамара Игнатьевна, задевая плечами снующих сотрудников и зазевавшихся больных. – Это по мою душу.

– Байкалова! – словно в подтверждение ее слов, гаркнула старшая медсестра. – Немедленно зайди ко мне!

Женечка захлопнула журнал.

– Не дрейфь, Марго, – приободрила она подругу. – «Вобла» поорет-поорет, да утихнет. В этих стенах и не такое бывало. На то она и больница, чтобы в ней люди умирали. Главное, помни: ты ни в чем не виновата.

Маргарита вяло кивнула и поплелась в кабинет Тамары Игнатьевны.

Квадратная комната с высоким потолком и пузырящимися бледно-зеленой краской стенами была словно специально создана для обструкций и выговоров. Гулкое эхо вторило каждому слову и разлеталось дальше по коридору, как грозное предупреждение: «Не входить! Идет экзекуция!»

Вся мебель состояла из тяжелого, двухтумбового стола на коротких ножках, четырех стульев, стеклянного секретера для документов и серого несгораемого шкафа для хранения лекарственных препаратов. На стене, прямо над головой старшей медсестры, висел портрет Пирогова, а чуть ниже, в дорогих рамках темного дерева, – сертификат Всероссийского общества медицинских работников и диплом об участии в конференции «Врачи – за мир», проходившей двадцать лет назад в Иркутске.

На столе, заваленном бумагами и папками скоросшивателей, стоял старомодный телефон без диска и селектор громкой связи, а между ними ютилась цветная фотография. На ней Тамара Игнатьевна стояла в обнимку с грубоватой на вид, мужеподобной женщиной с короткими темными волосами.

– Доигралась, девонька! – без обиняков начала старшая медсестра, когда Маргарита прикрыла за собой дверь. – Скандал на всю больницу! Завотделением в девять часов идет на ковер к главному, а тот, если захочет выносить сор из избы, доложит по инстанции. История попадет в газеты, и нашими мордами будут пугать людей! Сырой Яр – большая деревня!

– Позвольте объяснить, Тамара Игнатьевна…

– Да уж, сделай милость, объясни, как могло получиться, что система оповещения ПИТа сработала в девятнадцать тридцать две, а врач реанимации был вызван лишь спустя полчаса? Где ты была все это время? – Старшая медсестра поджала губы и вопросительно уставилась на Маргариту.

– Меня кто-то запер в процедурной, – развела руками та. – Пока я сверялась со списком лекарств, ключ оставался в замке. А потом…

– Кто-то запер? – Тамара Игнатьевна брезгливо поморщилась. – Ты хочешь убедить меня в том, что в нашем медицинском учреждении завелись клоуны и шутники? Хочешь, чтобы я поверила в нелепые совпадения?

– Я говорю правду. – Маргарита растерянно пожала плечами. – У меня была мысль, что замок заклинило…

– У нее была мысль! – насмешливо воскликнула старшая медсестра, и ее голос эхом ударился в потолок. – Как мило! Ты толкуешь мне о замке, зная, что я с утра распорядилась поставить новый! Забавно, да? Поди, мол, теперь проверь! Еще одно чудесное совпадение!

– Дверь не открывалась! Я кричала, звала на помощь…

– И тут по странному стечению обстоятельств, – подхватила Тамара Игнатьевна, – сработал сигнал тревоги ПИТа. Пока ты неусыпно следила за компьютером, он молчал, а стоило тебе отлучиться на секу-у-ундочку… – она театрально закатила глаза, – …так сразу сработал! Чудеса, да и только!

– В этой истории действительно много странного, – согласилась Маргарита. – Я просидела взаперти минут двадцать, не больше, а в это время…

– У меня другая версия, – холодно оборвала ее старшая медсестра. – Полагаю, она близка к истине. Тебе, девонька, придется прекратить наводить тень на плетень и честно во всем признаться.

– Признаться? В чем?

– В том, что все это время кувыркалась в постели с врачом Журналовым! – выпалила Тамара Игнатьевна.

Маргарита вспыхнула.

– Как вам не стыдно?! Повторяю: я оказалось запертой в процедурном кабинете и просидела бы в нем неизвестно сколько времени, если бы один из больных случайно не проходил мимо и не услышал моих криков о помощи.

– Еще лучше! – покачала головой старшая медсестра. – Значит, ты развлекалась не с врачом, а с кем-то из больных?

– Перестаньте, пожалуйста! Ваш тон оскорбителен.

– И кто же твой великодушный спаситель? – поинтересовалась Тамара Игнатьевна.

– Меня освободил старичок из восьмой палаты. Его фамилия…

– Старичок? – фыркнула старшая медсестра. – Совсем девка совесть потеряла!

Маргарита замолчала и отвернулась.

Было слышно, как капает вода из крана в рукомойнике. Жирная муха, описав два круга по комнате, спикировала на портрет Пирогова.

– Ладно, – смягчилась Тамара Игнатьевна. – Допустим, ты ни с кем не тискалась, а просто заел замок… Но жмурику из ПИТа от этого не легче, понимаешь? – Она подошла к девушке вплотную и провела рукой по ее груди. Маргарита вздрогнула.

– И главврачу от этого не легче, – спокойно продолжала «вобла». – И мне… Мне тоже не легче… Догоняешь, Ритуля?

– Тамара Игнатьевна! – воскликнула та, отстраняясь. – Кто-то умышленно отключил аппарат искусственной вентиляции легких!

– Чего-чего? – Старшая медсестра мгновенно убрала руки, словно обжегшись. – Повтори, что ты сказала!

– Я сказала, что аппарат искусственного дыхания был кем-то отсоединен от сети. Вилка электропровода валялась на полу.

– Ты, верно, спятила, девонька! Белены объелась? Насмотрелась фильмов про эвтаназию и теперь в каждом враче видишь убийцу?

– Я не утверждаю, что провод выдернул врач, – возразила Маргарита. – И совсем не уверена, что это была эвтаназия.

– Не уверена? – ехидно переспросила старшая медсестра. – А что же это было? Помутнение в твоей милой, но пустой головке?

– Это было убийство.

Тамара Игнатьевна посмотрела на Маргариту так, словно та только что на ее глазах выпила флакон денатурата.

– Что ты хочешь ска…

На столе затрещал селектор, и обе женщины вздрогнули, одновременно повернув головы.

– Томочка! – послышался надтреснутый голос заведующей отделением. – Ты на месте? Слышишь меня?

Старшая медсестра подскочила к столу и щелкнула кнопкой:

– Слышу, Светлана Андреевна!

– Наше ЧП – не просто халатность медперсонала, – продолжала та. – Компьютер ПИТа показал, что причиной остановки сердца этого… как его… Струковского… явился сбой в функционировании аппарата искусственного дыхания.

– Сбой? – хрипло переспросила Тамара Игнатьевна, таращась на Маргариту.

– Или его отключение, – подытожила заведующая.

– Это… значит…

– Это значит, – перебил голос из селектора, – что ты должна взять с этой твоей… как ее… Байкаловой… подробное письменное объяснение всех событий вчерашнего вечера, понимаешь?

– Понимаю, – едва слышно откликнулась «вобла».

– Патологоанатомы констатируют «острую сердечную», тут к бабке не ходи… А мы должны разобраться! Обязаны, слышишь? Нам еще криминала не хватало!..

Тамара Игнатьевна отпустила кнопку селектора и медленно выпрямилась. Муха отлепилась от портрета и сделала круг по комнате.

– Слышала? – «Вобла» кивнула на аппарат громкой связи. – Бери ручку, бумагу, девонька, и пиши. Все пиши. Как было. Без вранья и домыслов. – Она поиграла пальцами по столу. – Я-то думала, что ты просто прозевала смерть больного, а ты…

– Что – я? – с вызовом спросила Маргарита.

– Садись и пиши! – прошипела Тамара Игнатьевна. – И постарайся вспомнить, кто, кроме тебя, заходил вечером в ПИТ! Выбор не так уж велик, девонька. Точнее, его вовсе нет, потому что у нашего душки Журналова – железное алиби. – Она криво усмехнулась. – Оказывается, пьянство на работе бывает полезным и даже спасительным.

Спустя час Маргарита покинула кабинет старшей медсестры.

Пока она писала объяснительную, «вобла» трижды выходила, возвращалась и подсказывала ей «правильные» формулировки:

«Испытав сильнейший оргазм с врачом Журналовым, я пошла в палату интенсивной терапии, чтобы поменять больному капельницу, и случайно задела ногой шнур электропитания аппарата…»

«Получив половое удовлетворение со старичком из восьмой палаты, я пошла в ПИТ и в экстазе выдернула провод из розетки…»

«Не достигнув ни с кем сексуальной разрядки, я пошла и со злости отключила аппарат!..»

В конце концов, у Маргариты лопнуло терпение, и она встала из-за стола:

– Знаете что? Пишите объяснительную сами и от своего имени! А меня увольте…

– Насчет «увольте» я подумаю, – кивнула ей вслед Тамара Игнатьевна.

Маргарите хотелось плакать. Голова кружилась, а перед глазами плавали сверкающие точки с красным ободком. Нервное потрясение, бессонная ночь и голод отняли у нее все силы. Хотелось упасть ничком, закрыть лицо руками и хотя бы несколько минут ни о чем не думать, не переживать, не бояться – не чувствовать ничего. Во рту ощущался противный железный привкус. В висках засела тупая боль.

«Надо принять что-нибудь… – вяло подумала Маргарита. – Или просто, наконец, выпить кофе…»

Только что закончился обход, стихла утренняя суматоха, и отделение терапии зажило обычной жизнью. Нянечки гремели ведрами, хлопали дверьми и, деловито покрикивая друг на дружку, перевозили к лифту из бельевой на каталках горы грязного белья, чтобы отправить его

на первый этаж в прачечную. Больных в коридоре и холле заметно поубавилось. Двое мужчин в легких халатах и тапочках перетаскивали из одной палаты в другую круглый стол, покрытый липкой, выцветшей клеенкой. Сухощавый старик в грязной футболке медленно брел в уборную, разминая узловатыми пальцами сигарету без фильтра. Молодой человек в хлопчатобумажном трико громко разговаривал с кем-то по мобильному телефону, прислонившись спиной к стене и выставив вперед длинные ноги.

Маргарита устало опустилась на свое место за столом в холле и рассеянно оглядела стопки новых процедурных листов, назначений и выписок. Женечка уже ушла, оставив в дежурном журнале сообщение: «Лекарства для дневного приема разложила по стаканчикам, процедуры – по плану, в полдень – две выписки. Держись, Марго. Выше нос. Увидимся вечером. Целую, твоя Ж.»

Она слабо улыбнулась. Все-таки, Женька – чудесная подруга. Немного взбалмошная, иногда резковатая, но – верная и чуткая. Ей, как и Маргарите, не слишком везет в личной жизни. Ее нынешний жених – Юрик – сплошное недоразумение. Парень всего лишь год назад окончил школу, нигде не работает, не учится и занят, похоже, только тем, что целыми днями ошивается в единственной на весь город букмекерской конторе. Он убедил Женечку, что ему везет по-крупному, и та дает ему деньги.

– Я сколочу состояние на тотализаторе, и мы с тобой поженимся, – пообещал Юрик. – Мои ставки – самые верные, потому что в нашем деле успех – это везение, помноженное на хитрость. А я у тебя везучий и хитрый!

Первое утверждение не соответствовало действительности, а последнее было похоже на цинизм, поскольку Юрик за год обобрал невесту до нитки, а обещания по-прежнему не сдержал. Он открыто потешался над ней в компании таких же тинейджеров, как и сам:

– Моя баба в постели – просто шлюха, вытворяет такое, что и не снилось, исполняет любой каприз, и при этом не я ей плачу, а она мне!

– Ты действительно везунчик, Юрка! – восхищались приятели. – Расскажи поподробнее, чего там она вытворяет!

И тот с удовольствием рассказывал.

А Женечка, эта глупышка Женечка, любит своего бессовестного жениха до беспамятства, до самоотречения и слышать ничего не хочет про его подлости. Печально, но ведь и она, Маргарита, сама такая. Неудивительно, что они стали подругами.

Часы в виде градусника выбросили на табло четыре цифры – 09:30. Половина десятого. Через тридцать минут – начало процедур, а еще нужно успеть раздать больным лекарства, приготовленные Женькой.

Маргарита взяла с тумбочки поднос и расставила на нем пластиковые стаканчики с таблетками и пилюлями. На каждом стаканчике скотчем приклеена бирочка с фамилией и номером палаты. Удобно и просто.

Прихватив с собой графин с кипяченой водой и список назначений, она направилась с подносом в первую мужскую палату.

В двадцатиметровой комнате с белыми гладкими стенами, высоченными потолками и пластиковыми наклонно-поворотными окнами стояло шесть кроватей.

Увидев медсестру, пациенты оживились.

– Наша Риточка прикрылась ниточкой!..

– Рита-Рита, Маргарита, Маргаритка!.. Почему я, почему я не ковбой?..

– Маргари-ита! Окно открыто! Ведь ты ж не забыла, как все это было?..

– Чито-грито, чито-Маргарито…

В этой палате у мужчин вошло в привычку дурачиться и встречать ее словами из популярных глуповатых песенок.

– Ну-ну, – слабо улыбнулась она. – Разберусь с каждым в процедурной во время уколов! – И тут же помрачнела. Воспоминания о том, как с ней самой «разобрались» минувшим вечером в процедурной, заставили ее содрогнуться.

– Ритуля! – вскинулся больной лет сорока пяти с одутловатым рябым лицом. – Я готов для тебя оголять не только жо…, в смысле не только то, куда укол делают, но и все остальные места!

– Я так и сказала вашей жене, – не растерялась Маргарита. – И она готова по достоинству оценить такую самоотверженность.

Палата взорвалась дружным хохотом.

– Сестричка в карман за словом не полезет!..

– Язычок на месте!..

– Обожаю таких!..

Маргарита раздала лекарства, затем, сверившись со списком назначений, скомандовала:

– Малов! Через десять минут – на рентген. Первый этаж, по коридору – налево, одиннадцатый кабинет.

Больной с одутловатым лицом вздохнул:

– Мужчинам облучаться вредно…

– Да тебе уже трудно чем-то повредить! – сострил кто-то у окна, и палата опять взорвалась смехом.

– Трунов – на физиотерапию! – продолжала Маргарита. – Первый этаж, по коридору – направо, восьмой кабинет. – Она опустила список. – И пожалуйста, откройте второе окно. На улице тепло, а у вас здесь дышать нечем.

Работа, которая в обычное время приносила ей удовлетворение, теперь казалась пыткой. Ноги сделались ватными. Горло нещадно саднило, а щеки горели, словно она сама нуждалась в лечении от гриппа или простуды. Голова все еще кружилась, и Маргарита то и дело останавливалась в коридоре, чтобы не рассыпать с подноса на пол лекарства. Чувство голода, напомнившее было о себе десять минут назад, сейчас опять притупилось. Зато жутко хотелось пить. Она пристроила поднос на каталку для развоза обедов лежачим больным и, схватив графин, с жадностью сделала из него несколько глотков.

Утолив жажду, Маргарита почувствовала облегчение. «Если успею раздать лекарства и выдать назначения за пятнадцать минут, – подумала она, – то у меня хватит времени, чтобы выпить кофе и даже немного перекусить до начала процедур».

В третьей женской палате было всего четыре койко-места. Две кровати пустовали, а две другие занимали женщины приблизительно одного возраста и даже чем-то друг на друга похожие.

– Ритка! – поманила ее рукой полная шатенка лет пятидесяти с выпученными зелеными глазами и сосудистыми звездочками на круглых щеках. – Сядь-ка, чего скажу.

– Мне некогда, Майя Михайловна, – виновато пробормотала Маргарита. – Еще пять палат обойти надо.

– Сядь, говорю! – потребовала женщина и закашлялась. Она, видимо, была заядлой курильщицей.

– Лучше не спорь с ней, – весело посоветовала другая – полная брюнетка с карими глазами и точно такими же склеротическими прожилками на лице. – Все равно достанет! – И она хрипло рассмеялась.

Маргарита вежливо присела на самый краешек кровати, не выпуская поднос из рук.

– Слушаю вас.

– Ты это… – Майя Михайловна вытерла ладонью губы, – конечно, поймешь меня как женщина. Словом, намекни там кому-нибудь из первой или восьмой палаты… Пущай придет под вечер, часиков в десять. Я долго не задержу.

– Кто придет? – не поняла Маргарита.

Соседка Майи Михайловны затряслась от смеха:

– Да мужика ей надо! Прямо невмоготу нашей бабе-ягодке!

Та окинула ее укоризненным взглядом и продолжала, обращаясь к медсестре:

– Только мне абы кого не надо. Вонючим и малохольным не предлагай. Мальчиков тридцатилетних тоже не тревожь. Нужен мужичонка от сорока пяти до семидесяти. Главное, чтобы силенки были.

Маргарита покраснела.

– Боюсь, Майя Михайловна, ничем вам помочь не смогу. – Она встала с кровати. – Выздоравливайте и все свои проблемы решите самостоятельно.

– Дура ты набитая, а не женщина! – прокашляла та, когда за Маргаритой закрылась дверь.

– Девчонка еще, – махнула рукой соседка. – Жизни не знает…

Четвертая и пятая палаты пустовали, а в шестой медсестру ждал самый скандальный пациент отделения.

Рыхлый пятидесятилетний мужчина по фамилии Величко был основателем и единственным членом сыроярской правозащитной организации «Протест», а также активистом движения «Вегетарианцы против насилия». В городе он был хорошо известен благодаря эпатажным выступлениям в прессе и неизменным скандалам, сопровождавшим каждое его появление на публике. Впрочем, на его выходки давно уже перестали обращать внимание. Если еще лет десять назад проводимые Величко митинги и протестные акции пытались запрещать, а на него самого – налагать административные взыскания, то сегодня бунтующих правозащитников попросту не замечали. Власть относилась к ним как к клоунам, а обывателю они стали неинтересны и скучны.

В больницу Величко попал несколько дней назад с диагнозом «Физическое и нервное истощение». Правозащитник собрал брифинг в лесу. На глазах немногочисленных представителей прессы и полудюжины праздных зевак он приковал себя наручниками к сосне, а ключ проглотил. Журналисты добросовестно записали тезисы его выступления на диктофоны и разъехались по своим редакциям. Зрители позубоскалили и тоже разошлись. Разгоряченный Величко остался в лесу один. Никому и в голову не пришло, что сыроярский правозащитник оказался честным человеком и не припас в кармане брюк запасного ключа.

Спустя сутки Величко, дошедший до грани отчаяния, извлек ключ из собственных испражнений, расстегнул наручники и самостоятельно приплелся в больницу.

– Вы ждете, когда я сдохну? – поинтересовался он, едва Маргарита переступила порог палаты. – Я нахожусь один в комнате, рассчитанной на четверых человек! Значит, меня умышленно изолировали от общества!

– Большая часть палат пустует, – возразила та. – Этим летом в городе, по счастью, сократилось количество простудных, инфекционных и сердечно-сосудистых заболеваний.

– Никогда в это не поверю! – прорычал мужчина. – Рассказывайте сказки Госкомстату и Министерству здравоохранения! – Он приподнялся на локтях. – Что вы мне принесли? Таблетку цианида?

Маргарита сверилась с записями.

– Вам повезло, – улыбнулась она. – Ваше вынужденное заточение закончилось. Сегодня – на выписку.

– Вот уж дудки! – Величко побагровел. Его маленькие глазки под густыми лохматыми бровями сверкнули яростью. – Вы так просто от меня не отделаетесь! Я требую, чтобы меня лечили до полного выздоровления!

– Вы здоровы… – попыталась возразить Маргарита.

– Уж не вы ли это решили? – насмешливо спросил мужчина.

– Разумеется, не я. Сегодня на обходе был врач…

– Лапотник и шарлатан! – Величко грохнул кулаком по тумбочке, и с нее на пол скатилось яблоко. – Я требую немедленно адвоката, представителей общественных организаций и журналистов!

– Хорошо. – Маргарита старалась держать себя в руках. – Я передам вашу просьбу дежурному врачу и заведующей отделением.

– Это не просьба! – взвился мужчина. – Это требование! Чувствуете разницу? Еще не хватало, чтобы я унижался и выпрашивал у вас то, что мне положено по закону. Вы забыли: я хорошо знаю свои права и буду отстаивать их до конца!

– Я не забыла, – ответила девушка. – Что-нибудь еще?

– Вы издеваетесь? – Величко запустил в нее сложенной газетой. – *Еще* – это значит *дополнительно!* А вы не даете мне самого основного! Где мой завтрак? Оказывается, в больнице я могу умереть от голода точно так же, как и в лесу!

Маргарита выразительно перевела взгляд на тумбочку, где остывала тарелка с нетронутой едой.

– *Такое* – жрите сами! – Мужчина поддел пальцем блюдо. – А я – вегетарианец!

– Вам принесли диетический завтрак, – сказала Маргарита, поморщившись от нового приступа слабости. Тупая боль с силой сжала виски, и она едва крепилась, чтобы не закричать. Головокружение усилилось, и поднос в ее руках заметно дрожал.

– Объясняю: я – вегетарианец! Вам зачитать мои права?

– Не стоит, – покачала головой медсестра. – Мне очень жаль, но другого меню в больнице попросту нет.

– Это вам так с рук не сойдет! – пообещал Величко. – Вам еще икнутся эти котлетки на пару!

– Мне нужно идти, – сказала Маргарита. – Если у вас больше нет требований…

– Поставьте мне капельницу!

– Что, простите?..

– Я требую, чтобы мне прокапали глюкозу!

Она секунду поколебалась, но решила, что легче выполнить это требование больного, чем спорить с ним.

– Хорошо. Мне осталось разнести лекарства в две палаты и в бокс. У меня будет десять свободных минут до начала процедур – я успею поставить вам капельницу.

– С глюкозой! – напомнил Величко. – Только попробуйте что-нибудь перепутать!

В седьмой женской палате Маргариту попыталась разговорить старушка, лежащая здесь с весны. У нее, похоже, не имелось ни родных, ни близких, и она чувствовала себя в больнице как дома. Всякий раз перед выпиской бабушка обнаруживала у себя все новые и новые недуги, которым радовалась несказанно.

– Мой старшенький поступил в институт, где готовят на больших начальников! – похвасталась она, проглотив таблетку.

– Внук или правнук? – вежливо уточнила Маргарита.

– Сын! – объявила старушка.

– Поздравляю. Вы счастливая мать.

– Толик такой способный! – Женщина промокнула глаза платком. – Моя надежда и опора.

Маргарита понимающе кивнула. Толика еще вчера звали Петей, но ей все равно хотелось, чтобы за всеми этими безобидными старушечьими выдумками, где-то очень далеко, скрывалось настоящее семейное счастье с детьми, внуками, правнуками и большим круглым столом.

Она мягко похлопала ее по дряблой морщинистой руке и накрыла тонким одеялом.

– Отдохните. Впереди долгий день. – Ей было жаль старушку. Ей было жаль всех одиноких людей.

В последней палате Маргарита задержалась дольше, чем планировала.

Здесь находилось шесть коек, и как явствовало из процедурного листа, все они должны были быть заняты больными.

Первым делом она направилась к постели своего вчерашнего спасителя и обнаружила ее пустой и аккуратно заправленной. Старик Битюцкий как в воду канул.

– А где?.. – Маргарита беспомощно огляделась.

– Твой добрый гений? – мрачно подсказал пожилой мужчина с лысой и гладкой головой и густыми черными бровями.

Он сидел на кровати напротив и крутил ручку миниатюрного радиоприемника, пытаясь поймать ускользающий голос Розы Рымбаевой на ретро-волне.

– Д… да, – кивнула медсестра и на всякий случай уточнила: – Пациент Битюцкий. Это ведь его койка, правда? – Она вопросительно уставилась на лысого.

Тот поморщился, потеряв нужную волну в шуме помех, и досадливо буркнул:

– Скопытился твой спаситель.

– Что? – Маргарита от неожиданности села на заправленную кровать. – Как вы сказали?

– Я сказал, что Битюцкого хватил удар, моя хорошая, – пояснил лысый, отставив в сторону шипящий приемник. – Сегодня утром, еще до обхода, ему стало плохо. Приходил врач… этот… Журналов и быстро определил нашего старичка наверх. – Он ткнул пальцем в потолок. – Говорят, будут делать внеплановую операцию.

– Как же так? – огорченно пробормотала девушка. – У меня почему-то об этом ни слова… – Она потрясла в воздухе процедурным листом.

– Дык не успели, наверное, – предположил лысый. – Больно неожиданно Битюцкому поплохело. Едва проснулись – ему уже не по себе было. Успел только рассказать нам, как ты в дверь скреблась и как он вызволил тебя из темницы.

Маргарита кивнула:

– Это правда…

– А больной в это время беспомощно подыхал… – злорадно закончил мужчина.

Медсестра опустила глаза. Ей был неприятен развязный тон пациента.

– Влетело тебе от начальства? – опять хмыкнул тот. – Не попадайся больше в клетку, пташка, а то не ровен час никто не придет на выручку – всех больных растеряешь!

– Спасибо за совет, – холодно ответила Маргарита и встала. – Возьмите лекарство.

Лысый принял из ее рук пилюлю в розовой капсуле и, повертев ее в пальцах, задумчиво произнес:

– Если у нас вся медицина такая… То как вообще можно доверять ей свое здоровье?

– Риточка! – поднял голову толстяк на противоположной койке. – Пусть нам телевизор починят! Третий день обещают и не делают, а сегодня «Локомотив» играет!

– Я напомню, – откликнулась Маргарита. – А у вас, Михаил, сегодня электрофорез. Не забудьте, пожалуйста. А то третий день обещаете и не делаете…

– Ладно, – согласился толстяк. – Почините телевизор – так и быть, схожу на ваш этот… форез.

– Спасибо за одолжение, – пробормотала Маргарита. – Вы очень добры ко мне.

Худощавый, заросший щетиной молодой человек в ярко-желтой футболке и синих тренировочных брюках хрипло позвал из дальнего угла палаты:

– Ритуля, башка раскалывается – сил нет! До обхода все нормально было, а как врач ушел – заболел затылок. Да так, что в глазах темно. И подташнивает немного.

– Нынешнее поколение – хилое, – заметил лысый. – Смотри, парню еще двадцати пяти нет, а хворает, как старый дед.

– От армии косит! – хохотнул толстяк. – Это у них сейчас в моде. Осенний призыв начнется, а у него, глядь, уже справочка на руках. Вот и получается, водку жрать да девок щупать – здоровье есть, а родину защищать – голова болит.

– Да пошел ты!.. – огрызнулся молодой человек.

Маргарита присела к нему на кровать и достала из кармана халата свернутый тонометр:

– Давай руку.

Толстяк из своего угла с интересом наблюдал, как она ловко надела больному нейлоновую манжету с фиксирующим металлическим кольцом, отрегулировала воздушный клапан и быстрыми движениями накачала воздух.

– Ритка! А как ты обходишься без этого… как его… который в уши вставляется?

– Без стетоскопа, – подсказал кто-то.

– Вот-вот, – закивал толстяк, – без него.

– Я слежу… за колебаниями… стрелки, – медленно, не сводя глаз с манометра, ответила Маргарита, потом решительно ослабила кольцо и расстегнула манжету: – Сто сорок на девяносто! – Она покачала головой. – Повышенное. Сейчас дам тебе папазол. Если через полчаса не придешь в норму, вколю магнезию.

– Через полчаса! – хохотнул толстяк. – Да ему до конца сентября нельзя в норму приходить, пока военкоматы повестки рассылают!

Маргарита встала, собрала пустые стаканчики, проверила капельницу у больного, лежащего на средней койке слева от входа, и еще раз сверилась с листом назначений.

– Антиох!.. – выкликнула она и удивленно замолчала.

Этого просто не может быть! Впервые в ее практике больной по документам не имел фамилии. Она сама, да и все в больнице настолько привыкли к этому странному человеку с чудаковатым именем, что никому и в голову не пришло взглянуть, как он значится на бумаге.

«Надо будет посмотреть его медицинскую карту, – решила девушка. – Ведь у Антиоха – если только это не прозвище, а имя – должны быть и отчество, и фамилия, и год рождения». Впрочем, она и сама не знала, зачем ей это надо. Просто интересно. Да и порядок в отчетности как никак должен быть.

– Антиох! – повторила она. – В полдень – на выписку! Хватит бока нагуливать на государственных харчах!

– А нашего бомжа нет на месте с самого утра! – доложил толстяк. – А может, и с ночи.

– Ночью – был! – подал голос лысый. – Я его за бороду дергал, чтоб не храпел!

– А где же он? – растерялась Маргарита. – Может, в уборной?

– Может, и в уборной, – кивнул молодой человек в желтой футболке. – Но тогда у него, значит, затяжная диарея.

– И во время обхода его не было, – вспомнил лысый. – Видать, убег наш косматый философ. Не вынесла душа поэта уколов в задницу.

– Бомж – он и есть бомж, – резюмировал толстяк. – Сколько волка ни корми, а он все равно… по помойкам шастает!

– Волк по помойкам не шастает, – серьезно возразил лысый. – Он в лес смотрит. А наш сыроярский лес – всем волкам лес.

– И псам, – мрачно добавил юноша.

Маргарита покинула восьмую палату, прикидывая в уме, успеет ли она до начала процедур хоть что-нибудь перехватить из еды. Голова прошла, но осталась изматывающая слабость, и опять проснулось сосущее чувство голода. Глаза словно запорошило песком, а желудок жгло, как если бы она выпила кислоту. В пластиковом стаканчике с надписью «Антиох» осталась таблетка но-шпы. Маргарита опрокинула ее себе в рот и проглотила, не запивая.

«В холодильнике есть йогурт, – вспомнила она. – Вполне достаточно для поддержания сил. А еще нужно выпить кофе или крепкого сладкого чаю…»

Девушка бросила взгляд на дверь с табличкой «6» и остановилась. Пациент из шестой палаты! Звучит символично. Она обещала этому невыносимому нытику поставить капельницу с глюкозой.

Вздохнув, Маргарита повернула обратно, в процедурную.

Свежие царапины на двери кабинета напоминали, что сегодня здесь поменяли замок. Она подергала дверь и мысленно плюнула: заперто!

Что делать? Идти к «вобле» за новым ключом? Та не упустит возможности еще раз поиздеваться над ней. А это на четверть часа, не меньше. Значит, нужно просто найти свободную стойку капельницы в одной из палат.

Маргарита двинулась на обход по второму кругу.

– Наша Риточка прикрылась ниточкой!..

– Сестричка, ты по мою душу?..

– Соскучилась?..

– Ритка, нужен мужичонка от сорока пяти до семидесяти!..

– Телевизор починят или нет?..

И тут она вспомнила, что свободная (теперь уже – увы – свободная) капельница есть в ПИТе.

Пристроив поднос, который уже казался тяжелым и громоздким, на одно из угловых кресел холла, Маргарита бросилась по коридору к сестринскому посту, мрачным пятном темневшему в торцевой части этажа.

Место дежурной медсестры, как всегда, было необитаемым, компьютер на столе безжизненно молчал, экраны монитора и осциллографа показывали пустоту. В раскрытом журнале зловеще чернела финальная запись вчерашнего дня: «19.32, Струковский, остановка сердца. Параметры контроля…»

Маргарита остановилась перед дверью в палату. Ей вдруг стало не по себе. Она вспомнила застывшее в смертельной маске белое лицо, кровавую пену в уголках искривленных губ, стеклянный взгляд, устремленный прямо на нее с ужасом и болью, сдутую гармошку респиратора, выдернутый из сети провод, лежащий в пыли…

К горлу подкатила дурнота, а на лбу выступила испарина. Нужно преодолеть себя. Всего четыре движения: открыть дверь, войти, взять стойку капельницы и выйти. Прав Михаил Саркисович, и Женька права: она слишком чувствительная, слишком слабая для профессии медика.

Маргарита протянула вперед руку. Пальцы мелко тряслись. «Спокойно! – приказала себе девушка. – Всего четыре движения. Ничего страшного. Палата пуста. За окнами – белый день… Хотя… тьфу!.. окон там нет!.. Там вообще никого и ничего нет, кроме двух застеленных коек и отключенного оборудования… А в привидения я не верю!»

И вдруг она услышала голоса за дверью! Точнее – невнятное бормотание.

Сначала она решила, что это – уборщица или кастелянша, и на секунду успокоилась. Но внезапно ледяная волна ужаса прокатилась по всему телу и рухнула вниз. Колени разом ослабли, а руки окоченели. В ПИТе сейчас находиться некому! В палате убрались и поменяли белье еще ранним утром! К тому же… К тому же голос за дверью – мужской!

Бормотание усилилось. Теперь Маргарита могла разобрать отдельные слова:

– Неосторожно… чудовищно… и ради чего… убийство…

Чувствуя, что вот-вот лишится чувств, она рывком распахнула дверь, обвела глазами ярко освещенное помещение и, остановив взгляд на ширме, завизжала.

4

Пожилые супруги, поднимавшиеся по лестнице, испуганно посторонились, пропуская молодого человека с горящими, безумными глазами, прыгающего вниз через три ступеньки.

На площадке первого этажа Танкован споткнулся, подвернув ногу, и с размаху снес плечом со стены ряд почтовых ящиков. Черная кошка, гладкая, как воронье крыло, испуганно метнулась вверх.

Прихрамывая, он бросился вон из подъезда.

Двор жил своей обычной жизнью. Тренькая звонками, мчались на велосипедах мальчишки. Старушка в полосатой шерстяной накидке крошила на тротуар хлебный мякиш. Грузчики на пандусе громко ругались.

Максим остановился у мотоцикла и перевел дух. Руки тряслись, а перед глазами плавали зеленые круги. Мысли пересыпались в голове, как песок в погремушке. «Я оставил следы!.. Отпечатки!.. Мои пальцы попадут в картотеку розыска!..»

Он попытался успокоиться и выстроить логическую цепочку происшедших событий, но она непременно обрывалась одним-единственным вопросом: как могло случиться, что человек, знающий нечто интересное и, вероятно, важное о его родителях, всего несколько часов назад назначивший ему встречу у себя в квартире, оказался лежащим в крови на полу этой самой квартиры?

Тяжело дыша, Танкован залез в карман, извлек сложенный вчетверо листок и нервно порвал его на мелкие кусочки. Адрес, собственноручно написанный убитым! Какая коварная улика!

«Нужно вернуться! – пульсировало в голове. – Вернуться и протереть все, к чему прикасался: дверную ручку, кнопку звонка, пластиковый плинтус». Максиму казалась ужасной даже мысль о том, что он может оказаться подозреваемым в этом нелепом и страшном деле. Но еще ужаснее было вновь подняться в квартиру, где в зловещей тишине под стоны экранной порнодивы коченело на полу окровавленное тело мужчины в черном костюме.

Поколебавшись, он решил не возвращаться.

Нужно включить голову и все же восстановить цепочку событий. Возможно, все не так уж и страшно. Итак, по порядку. Незнакомец поджидает Максима на улице, то есть он знает его адрес и, возможно, маршруты передвижений. Разумеется, знает! Он сам признался, что следит за ним. Потом он ведет себя странно, несет полную ахинею про бампер от крутой тачки, затем вдруг говорит, что приехал из Сырого Яра и хочет потолковать с Максимом о его родителях. Далее. Встреча не состоялась. Максим приехал по указанному адресу и обнаружил труп. Все. Что в этой цепочке выглядит неправдоподобным? Череда совпадений! Если открутить ее в обратном направлении, то появится причинно-следственная связь. Итак, Максим Танкован наткнулся на труп и у него есть все шансы оказаться подозреваемым в убийстве. Если предположить, что это – финальное звено цепочки, то все предыдущее – просто путь к нему. Он обнаружил труп, потому что *пришел в квартиру.* Пришел, потому что его *попросили* прийти. Ему *дали адрес.* Но просьбы и адреса – недостаточно. Нужна *причина.* И она была. *Сырой Яр, родители, тайна.* Исчерпывающий набор.

Максим вытер лицо ладонью и огляделся по сторонам.

Теперь все случившееся казалось ему страшной мистификацией. Он начал сомневаться: а что, если сегодняшняя встреча и последовавшее за ней убийство – всего-навсего чудовищный розыгрыш? Что, если весь этот жуткий спектакль затеян с единственной целью – напугать его, парализовать его волю страхом, заставить вздрагивать от каждого шороха, лишить уверенности в себе?

Максим вспомнил стальной взгляд Коржа и зажмурился.

Логика, которую он всегда так уважал, сейчас подсказывала ему единственное объяснение происшедшему: у этого спектакля – жестокий и мстительный режиссер, он заманил Максима в ловушку при помощи нехитрого, но иезуитского приема, а потом подсунул ему облитый кетчупом «труп», чтобы лишить воли и способности сопротивляться. Если разум – главная сила физика – капитулирует перед ледяным страхом, оружия для борьбы не остается. Расправиться с напуганным противником легко и просто!

Но Максим не позволит Коржу – этому безмозглому, озлобленному неудачнику – одержать над собой победу. Тот сдвинул на поле несколько фигур, разыграв оригинальный дебют, но для того, чтобы создать угрозу королю, требуется комбинация посложнее.

– Ход за мной, негодяй… – прошептал Максим, надевая шлем. – Я поставлю тебе мат раньше, чем ты успеешь понять, что проиграл!

Он посмотрел на часы. До конца обеденного перерыва осталось пятнадцать минут. Следовало торопиться, чтобы не дать Лиснянской повода для мстительного демарша. Максим чувствовал, что начальница считает себя уязвленной. Умные женщины умны каждая по-своему, а глупые – такие, как Анна Ильинична, – глупы одинаково. Сейчас она бесится, тонет в амбициях, но стоит успокоить ее, потрафить ей, показать свое расположение, свою симпатию – и дело в шляпе. Грозная дама станет ручной. Простая, но очень перспективная комбинация.

Он завел мотоцикл, крутанул ручку газа и рванул с места так стремительно, что один из грузчиков, поднимавшихся на пандус, уронил на землю ящик с мороженой рыбой.

Пролетев квартал, Максим свернул на улицу, перпендикулярную проспекту Андропова, чтобы срезать лишние полкилометра. Все дороги забиты пробками, и такой маневр оптимален. Самый короткий путь между точками – прямая. На мотоцикле ее проделать легче, чем на авто. У мотоцикла выше проходимость. Он юркий, маневренный и неприхотливый к дорожному покрытию. Кроме того, он практически безопасен для пешеходов…

…Миниатюрная хрупкая девушка с белокурыми волосами, в легком сиреневом платье, близоруко прищурившись, огляделась по сторонам и опасливо шагнула с тротуара… прямо под колеса Максимова мотоцикла. Он только начал набирать скорость на сменившийся сигнал светофора и поэтому успел затормозить, но столкновения не избежал. Нарушительница вскрикнула, ударившись о раму, и, беспомощно вскинув руки, упала на асфальт.

У Танкована потемнело в глазах.

Улица взорвалась возмущенным женским многоголосием.

– Смотрите!..

– Убили!..

– Держите гада, чтобы не убежал!

Потеряв равновесие, Максим завалился набок вместе с захлебнувшимся железным конем, но тут же вскочил на ноги, стащил с головы шлем и бросился к потерпевшей.

– С вами все в порядке?

Девушка сидела на асфальте, морщась от боли и потирая ушибленное плечо.

– Мозги-то есть? – оправившись от шока, вскипел он. – Даром, что блондинка! Кто же так улицу переходит?

Их вмиг окружила толпа возмущенных свидетелей.

– Эти мотоциклисты – полные отморозки!

– У нас в доме один такой жил. И сам угробился, и людей погубил!

– А у нас прямо во дворе тинейджер с подружкой под самосвал попали! Мать девушки уж так убивалась с горя!

– Гляньте на этого мерзавца! Он еще и претензии предъявляет!

Из плотного кольца очевидцев происшествия выскочил коренастый подвыпивший мужчина в грязной синей рубашке с закатанными рукавами. Не говоря ни слова, он схватил Максима за плечо, повернул к себе и резко ударил головой в лицо. Тот опрокинулся навзничь.

Толпа опять взвизгнула.

– Ой, зачем же так?

– Люди, парнишку убивают!

– Остановите его!

Но мужчину уже трудно было остановить. Не давая опомниться поверженному мотоциклисту, он несколько раз пнул его с размаху ботинком в голову, рыкнул на испуганных женщин и, никем не удерживаемый, бросился наутек.

– Каков негодяй! Вы видели?

– У нас во дворе один такой избил мальчика-студента, сломал ему челюсть и выбил глаз!

– Поймали?

– Судили. Дали три года. Но разве от этого легче? Мальчишка на всю жизнь остался инвалидом!

– Все они отморозки! Житья не стало при демократии!

Захлебываясь кровью, хлещущей из носа, Максим приподнялся на локтях и застонал. Блондинка испуганно смотрела на него, одной рукой держась за плечо, другой – прижимая к груди сумочку.

Они попали в одну и ту же больницу. Он – с сотрясением мозга и сломанным носом, она – с ушибом плечевого сустава.

Выкрашенные в отвратительный цвет казенные стены, продавленные кровати, окна без штор, тусклые лампы и тяжелый, спертый воздух в палате – вот финальные декорации дня, который странно начался, жутко прошел и совсем худо закончился.

Максим даже вспомнить не мог, когда еще на него разом обрушивалось столько напастей. Оставалось только надеяться, что они отстанут и уйдут, как ушел в небытие этот мерзкий, проклятый день.

На следующее утро блондинка пришла к нему в палату с большим пакетом фруктов.

– Простите меня, – пробормотала она, с ужасом разглядывая распухшее и посиневшее лицо Танкована. – Это все из-за моей близорукости. Я разбила очки, а заказать новые не успела.

У Максима кружилась голова, и он едва ворочал языком.

– Вы-то как? В порядке? Сильно ушиблись?

– До свадьбы заживет, – виновато улыбаясь, заверила девушка.

– Значит, вы не замужем, – машинально констатировал Максим, а про себя подумал: «Немудрено».

Блондинка оказалась не страшненькой, но и не красавицей. Про таких говорят: «На любителя». Невысокого роста, худая, с небольшой, едва угадываемой под топиком грудью, с простым, незапоминающимся лицом, которое досадно портила крупная родинка под носом, в тяжелых, излишне строгих очках с узкими прямоугольными стеклами, она была похожа на библиотекаря из провинциального городка, которая стесняется того, что она умнее окружающих, и поэтому заранее боится мужчин.

– Мне бы хотелось загладить вину перед вами, – произнесла девушка, пристроив пакет с фруктами на тумбочке. – Что мне сделать для этого?

«Исчезнуть», – мысленно ответил Максим, а вслух поинтересовался:

– Как вас зовут?

– Татьяна.

– Вот что, Татьяна. – Он облизал сухие губы и приподнялся на подушке. – Вам не нужно чувствовать себя виноватой. Я не держу на вас зла и не таю обиды. Постарайтесь в будущем не забывать очки, когда выходите из дома. Прощайте.

Она закусила губу.

– До свидания. На всякий случай оставляю вам свою визитную карточку. Если что-то понадобится – обращайтесь смело. – Татьяна протянула Максиму прямоугольник плотной, дорогой бумаги цвета кофе с молоком. – Поправляйтесь.

И девушка ушла.

– Адвокатское бюро «Глуз энд партнерс», – вслух прочитал Танкован. – Михеева Татьяна, экзекьютив директор… – Он вздохнул и положил визитку на край тумбочки, рядом с пакетом, принесенным блондинкой. – Надеюсь, что адвокаты мне не понадобятся… – Потом скривился и добавил: – Если с работодателем не придется судиться.

Накануне вечером Максим позвонил Лиснянской. Он едва шевелил губами и, превозмогая слабость и подкатывающую дурноту, пролепетал в трубку:

– Анна Ильинична… Простите, что подвел вас… Я попал в больницу с переломами и сотрясением мозга… Авария…

– Ты очень расстроил меня, Танкован, – сухо ответила Лиснянская. – При любом форс-мажоре предупреждать начальство следует незамедлительно. А сейчас уже девять вечера. Я успела приготовить приказ о твоем увольнении.

– Анна Ильинична! – взмолился Максим. – Не делайте этого, прошу вас! Я не мог позвонить раньше, я потерял сознание!

– Ты не сознание, ты совесть свою потерял! – тоном капитана Жеглова резюмировала начальница. – Сначала предпочитаешь моему обществу какую-то шибко важную встречу неизвестно с кем, а потом, войдя во вкус, и вовсе плюешь на работу! И все ради чего? Свидание для тебя важнее карьеры? Что на весах, подумай!

– Вы о чем вообще? – опешил Максим. – Я в больнице! Это легко проверить.

– Проверю, – пообещала Лиснянская. – И решу, что с тобой делать.

Морщась от головокружения и подступающей к горлу тошноты, Максим лежал на спине и брезгливо косился на молоденькую медсестру, которая меняла больному судно.

«Чудная профессия, – размышлял он. – Целый день выносить горшки, нюхать фекалии и тыкать клизмой в волосатые задницы. И ко всему, получать за это сущие гроши!»

Кажется, ему кто-то говорил, что Марго работает дежурной медсестрой в сыроярской больнице. Отличный выбор! Если уж в столице такие вонючие «утки» и такая мерзкая, отвратительная обстановка, то что говорить о провинции! Говно, конечно, везде пахнет одинаково, но все же… Здесь – затхлость и равнодушие, как на конвейере по ощипу кур, а что в Москве – убожество, в Сыром Яру – роскошь.

Наблюдая за медсестрой, Максим сочувственно вздохнул. Ведь симпатичная девчонка, не инвалид, не изгой, а целыми сутками ковыряется в чужих испражнениях. Вот она с видимым усилием повернула больного на бок и, смочив губку в тазу с каким-то отвратительным настоем, быстро протирает ему промежность. Вонь такая, что глаза слезятся! У этого несчастного, что уже третий день живет жизнью овоща, видимо, нет за душой ни копейки. А родные – хороши! И сиделку не наняли, и сами побрезговали дневать здесь с губкой да с тазиком. Этой молоденькой дурехе посулили сто рублей, и она теперь вынуждена, бледнея от отвращения, мыть и обхаживать кусок дерьма весом в центнер.

На мгновение Максиму показалось, что прежнюю медсестру сменила другая. Исчезли русые косички и вздернутый нос, пропали, словно не были, крошечные губки и большие зеленые глаза. На их месте появился знакомый образ: темные шелковистые волосы, грустная улыбка, задумчивый синий взгляд.

Марго!

Танкован рывком сел в кровати. Маргарита заботливо протирала больному дебелые ягодицы, сморщенную коричневую мошонку, тучные волосатые ноги. Она отжимала губку в воняющий тухлятиной таз, смачивала опять и терла, терла, терла…

– Тьфу! – не выдержал Максим. – Как была дурой, так и осталась!

– Что? – не поняла медсестра.

На Танкована вопросительно уставились большие зеленые глаза. Пухлые губки удивленно приоткрылись, а упругие косички забавно дрогнули.

– Это… я не вам, – смущенно буркнул он и откинулся на подушке.

Черт! Померещилось! Сотрясение мозга – коварная штука.

Максим осторожно потрогал заклеенный пластырем нос и, вздохнув, опустил веки.

Угроза начальницы не шла у него из головы. Страх потерять престижную и многообещающую работу холодил грудь. Он даже отодвинул на задний план мысли о чудовищном розыгрыше, устроенном Коржом, и о том, как сделать ответный ход.

«Если я окажусь на улице, – с тоской размышлял Максим, – хорошую работу по специальности я найду очень и очень не скоро».

Он каждое утро с замиранием сердца просматривал в газетах холодные сводки падения производства, разглядывал умирающие кривые капиталовложений, пробегал глазами столбцы с названиями фирм и компаний, сокращающих штат в условиях кризиса, и всякий раз сжимал кулаки: «Мне повезло!.. Как мне повезло!»

Потерять на ровном месте перспективную работу значило надолго захлопнуть перед собой двери, ведущие в сладкое и вполне реальное будущее. Чтобы не остаться без жилья и без куска хлеба в огромной столице, придется продать мотоцикл и устроиться, скажем, официантом в ночной клуб, что, кстати, тоже непросто. Но главное, ему придется забыть и о карьерном росте, и о возможности разбогатеть. Родители сойдут с ума от стыда. Мэр презрительно фыркнет:

– Подумать только! Наш самый способный в науке, одаренный юноша стал стриптизером!

– Официантом, – поправят его.

– Какая разница? – поморщится глава городка. – Ведь я прочил его в Капицы, в Ландау, в Келдыши…

– Эйнштейну в молодости тоже было непросто, – попытается кто-то заступиться за Танкована.

– Но он не танцевал у шеста! – рявкнет мэр. – И не скармливал гамбургеры обкуренным, тупоголовым мажорам!

Максим сжал зубы. Искушенность циника подсказывала ему, что единственный способ по-настоящему твердо закрепиться на новом месте и сделать первые шаги по служебной лестнице – это закрутить роман с Лиснянской. Противно, конечно, но что делать? Эта пышнотелая дама старше его лет на двадцать и не особо хороша собой. Разумеется, она похотлива, как многие женщины ее возраста, которым не очень везет в личной жизни. А не везет-то лишь потому, что большинство мужчин держатся подальше от целеустремленных, волевых и властных женщин. Ведь на их фоне даже сильный мужчина выглядит не так достойно, как хотел бы.

Лиснянская явно проявляет интерес к Максиму. Как она сказала? «Ты предпочел моему обществу свидание неизвестно с кем!» Надо же! Ревнует! И не скрывает этого. Напротив, она всячески дает ему понять, что он зависим от нее, что в ее руках стремительный взлет Максима Танкована или его еще более стремительное падение. Поддайся, – внушают ему глаза начальницы, – стань моим пажом, верным сателлитом, и тебя ждет успех. А не захочешь, побрезгуешь, отвернешься – сразу распрощаешься с радужными мечтами, зароешь талант в навоз, станешь неудачником, лузером!

Выбор между жиголо и безработным для Танкована не дилемма. Он готов осилить и более сложную задачку, которая не решается при помощи готовой формулы. Тут нужно тщательно подбирать и подставлять данные. Он переиграет Лиснянскую. Обведет вокруг пальца, сделает безвольной и слабой. Ведь сильные женщины мечтают стать слабыми, зависимыми. Они ищут мужчину, у которого не стыдно поплакать на плече, с которым не нужно вспоминать о долге, обязательствах и необходимости в напускной жесткости. Они ждут мгновения, когда смогут щедро расплескать всю нерастраченную нежность, любовь и заботу. В такие минуты женщина становится ручной. И счастлива этим. Она весь мир сотрет в порошок ради того, чтобы стать на миг слабой и беззащитной.

Максим хорошо знает, как можно легко выключить женские мозги и включить порыв, страсть, безоглядное сумасбродство – все то, чем гордятся лирики и что губительно для физика. Все то, что делает человека уязвимым, безвольным и глупым.

Еще в институте он снискал славу тонкого, хладнокровного сердцееда. Умный, непринужденный в беседе, стройный, сероглазый фон Штыц сводил с ума сокурсниц и даже искушенных женщин так же, как, наверное, юный Анри Мари Бейль покорял сердца зрелых дам, когда еще не был Стендалем и не написал «Красное и черное». Говорят, Мопассан имел ключи от любых женских сердец в неполные двадцать, задолго до появления на свет «Милого друга». Танкован к своим двадцати трем имел связку потяжелее.

«Если вы знаете женскую психологию, если способны даже в бронетранспортере узреть уязвимые места, значит, для вас не существует недоступных женщин», – любил говорить он. И доказывал свои слова на деле. Женщины стали для него чем-то вроде беллетристики – отдыхом, источником любопытных фактов, маленькой, хитроумной головоломкой.

Он никогда не пасовал перед ними. И уж конечно, не спасует сейчас – когда на карту поставлена его карьера.

Он одурачит Лиснянскую, сыграет с ней в тройную игру и выйдет из этой игры победителем.

Молодой человек из провинциального сибирского городка, надеющийся только на собственную хватку и холодный, математический ум, привыкший отвоевывать то, что иным преподносят на тарелочке с рождения, фон Штыц был необычайно, даже болезненно честолюбив.

– У кого пульт? – Один из соседей Максима по палате – лысеющий, потный здоровяк в тугих тренировочных брюках и грязной майке – приподнялся на койке. –

Сделайте погромче! – Он кивнул в сторону древнего двадцатидюймового телевизора, привинченного металлическими кронштейнами к стене под самым потолком.

Другой сосед – сухонький, благообразный старичок с аккуратно, по-профессорски подстриженной бородкой – пошарил рукой рядом с собой и, обнаружив пульт, со вздохом наставил его на телевизор. – И охота вам эти страшилки смаковать! Убийства, грабежи, насилие… Будто собственных напастей в жизни мало!

– Ты не догоняешь, папаша! – оскалился здоровяк. – Когда видишь, сколько людей вокруг в полном дерьме, начинаешь сознавать, что у тебя самого еще все не так уж плохо!

Серьезная, миловидная девушка на экране обрела голос:

– …во время обыска в кабинете ректора обнаружено еще четыре конверта с деньгами на общую сумму триста тысяч рублей.

– Попался, сучок! – Первый сосед злорадно потер руки. – Сволочь профессорская! – Он повернулся к старичку и пояснил: – У меня племянница в этом году поступала в университет. Срезали на диктанте, гады!

– Я сам преподаватель, – откликнулся тот. – И знаю точно: у нас в институте мздоимства нет и никогда не было.

– Это потому, что у вас институт, наверное, задрипанный, – весело предположил здоровяк. – Ботанический. А в нормальные институты, где учат на юристов и разных экономистов, без денег лучше не соваться.

– …угрожая ножом, отобрал у молодого человека мобильный телефон, – продолжала девушка в телевизоре. – Патрульная группа по горячим следам задержала грабителя. Им оказался нигде не работающий житель Узбекистана Бахтиер Хаитов…

– Развели нечисть! – прорычал здоровяк. – Наплодили всех этих гастарбайтеров и прочую шушеру, а потом удивляются, что людям житья не стало! Вот у меня знакомый…

– А может, ваша племянница просто много ошибок наделала в диктанте? – задумчиво перебил старичок.

Сосед повернулся к нему и насмешливо скривил губы:

– Да она пограмотнее нас с тобой будет.

Максим не удержался и громко фыркнул.

– Ты чего там хрюкаешь, герой? – нахмурился здоровяк.

– …по проспекту Андропова обнаружен труп мужчины с огнестрельным ранением груди, – сообщила телеведущая.

Танкован похолодел. Улыбка разом сползла с его лица. Не мигая, он уставился в тусклый экран.

Камера равнодушных хроникеров поползла по уже знакомой ему тахте, круглому столу с двумя деревянными стульями, бельевой тумбе, старому телевизору, в котором по-прежнему стонала от ласк обнаженная дива, и наконец зафиксировалась на окровавленном теле, распластанном на полу.

– Уже установлено, что убитый – некто Теодор Свирский, – спокойно продолжала журналистка. – По свидетельству экспертов, он был застрелен примерно в четырнадцать часов из пистолета импортного производства. О погибшем известно, что две недели назад он прибыл в столицу из небольшого сибирского городка и снимал в Москве двухкомнатную квартиру, в которой и был убит. Тело обнаружила хозяйка жилья во время очередного визита. Ведется следствие…

У Максима потемнело в глазах. «Свирский!.. С огнестрельным ранением!.. Из небольшого сибирского городка!..» Выходит, это не мистификация, не розыгрыш! Незнакомец, прибывший совсем недавно из (в этом нет ни малейшего сомнения!) Сырого Яра, спешил сообщить Танкованy нечто важное о его родителях, но был застрелен в съемной квартире, куда Максима угораздило приехать (подумать только!) через пятнадцать минут после убийства! Вероятно, преступник или преступники еще были где-то рядом! Возможно даже, он видел их во дворе или на лестнице!..

– Предполагаемого убийцу запомнили многочисленные свидетели в подъезде и во дворе дома, – объявила девушка с экрана. – С их слов составлен фоторобот киллера. Вглядитесь в его лицо. Быть может, он сейчас среди вас!..

Увидев свой собственный портрет, выплывший под потолком больничной палаты, Максим рухнул на подушку. Горло сдавил спазм. Он чувствовал, что близок к помешательству.

Чудовищно! Невообразимо! Произошло то, чего он боялся. Его подозревают в убийстве! Ему ни за что не объяснить ищейкам из розыска, каким ветром скромного программиста в разгар рабочего дня занесло в незнакомую квартиру к неизвестному гражданину, да еще в тот самый момент, когда в того разрядили пистолет иностранного производства! Они непременно допросят Лиснянскую, и та с удовольствием сообщит, что «Танкован всегда вызывал у нее подозрения, а в тот день – особенно, поскольку так спешил на якобы важную встречу, что даже отказался от обеда»! Милиции не составит труда выяснить, что Свирский утром приезжал к Максиму и они о чем-то долго беседовали во дворе. Тот же дворник-таджик… военнопленный – и подтвердит. Кто их знает, о чем говорили! Может, о жизни, а может, и о близкой смерти.

Все против него. А еще – Сырой Яр! Свирский прибыл в Москву из города, в котором Максим родился и вырос.

В такие совпадения милиция не верит. Танкована арестуют, а искать настоящего убийцу никто не станет. Еще бы! Они всегда ищут там, где светло. А тут – готовый подозреваемый, на блюдечке, с кучей улик! Зачем расследовать преступление, если под рукой козел отпущения! Стоит только Максиму попасть им в руки, они найдут способ списать на него все грехи. Еще и парочку нераскрытых убийств повесят в придачу. Он читал где-то, как розыск и следствие выполняют план. Здесь все средства хороши, лишь бы кривая показателей скакнула вверх.

– Убийца скрылся с места преступления на мотоцикле, – доверительно сообщила ведущая, сменившая на экране Максимову физиономию. – Введенные в городе планы «Перехват», «Черный коршун» и «Петля» пока не дали результатов.

У Танкована бешено колотилось сердце. Он и не подозревал, сколько вероломных и хитроумных ловушек с грозными названиями было расставлено по всей Москве для его поимки. Это просто удача, что он попал в ДТП. В больнице его вряд ли станут искать. А еще хорошо, что у него разбито лицо. По крайней мере, сейчас трудно обнаружить сходство с фотороботом.

– Я всегда говорил, – злорадно пробасил сосед в тренировочных брюках, – что на мотоциклах гоняют или убийцы, или самоубийцы. – Он повернулся к Максиму и оскалился: – Присутствующие – тому явное подтверждение.

– А вы, молодой человек, согласны? – поинтересовался старичок с профессорской бородкой. – Неужели вам не страшно, что когда-нибудь на вас наклеют ярлык убийцы?

Танкован испуганно скосил глаза в его сторону и, облизав пересохшие губы, промямлил:

– Страшно…

– Или самоубийцы! – хохотнул здоровяк. – Он ведь и ту девчонку очкастую мог угробить, и сам угробиться!

– Подумайте об этом, молодой человек, – не унимался старичок. – Не будите лиха, пока оно тихо. Жизнь может так вас подставить, что потом вовек не отмоетесь. Будете ходить и доказывать, что вы не убийца.

«Если бы он только знал, насколько прав!» – подумал Максим.

Противно заверещал мобильник. Этот мерзкий ринг-тон он ставит на телефонные номера женщин, с которыми расстался.

– Ты бы сменил мелодию, – посоветовал здоровяк. – А то как железом по стеклу! Надо считаться с соседями.

Танкован поспешно схватил с тумбочки трубку.

Звонила Светка, та самая безмозглая извращенка, с которой он попрощался вчера утром в общежитии МИФИ.

– Тебе чего? – буркнул Максим.

– Штыц! – Голос девушки звенел. – Значит, ты считаешь возможным унижать меня, втаптывать в грязь, называть «пещерой неожиданностей»? Мнишь себя героем-любовником, да, игрец на душах?

Танкован поморщился. Меньше всего ему сейчас хотелось выяснять отношения с бывшими подружками. Но Светку прямо-таки распирало от злости. До нее, наконец, дошло, что он ее бросил. Аж на следующий день дошло. Для бестолковой погремушки – очень быстро.

– Тебе хочется реванша? – насмешливо спросил Максим.

– Очень! – призналась Светка.

– Валяй, – разрешил он. – Выпаливай все свои гадости, если тебе от этого легче.

– А ты все-таки глуп, Максик. Надеешься отделаться малой кровью?

– А тебя успокоит только большая? – устало поинтересовался тот. – Сколько ее нужно для твоей уязвленной гордости? Море?

– Сойдет и лужа, – развязно заявила девушка. – Не больше той, чужой, что ты уже пролил!

У Максима стукнуло сердце.

– Ты о чем, крошка?..

– Я видела твою физиономию в криминальных новостях, – с нескрываемым злорадством призналась Светка. – Тебя ищет милиция, дорогой. Полагаю, само провидение дает мне шанс поквитаться с тобой. За всех обманутых женщин.

– Мне инкриминируют двоеженство? – Максим постарался придать голосу ироничную небрежность.

– Тебя подозревают в убийстве, подлец! – отрезала девушка.

– Ты, видимо, крошка, окончательно утратила то, что в шутку называли твоими мозгами.

– Чтобы сопоставить факты, много мозгов не требуется! Твоя физиономия, твоя одежда, да еще и мотоцикл! Не ерничай, Максик! Я знаю, что это ты – убийца! Кроме того, я хорошо запомнила твое вчерашнее откровение. По сути, ты во всем признался.

– В чем же? – весело поинтересовался Танкован, лихорадочно соображая, как себя дальше вести с этой истеричкой.

– В том, что ты способен убить человека! – выпалила та. – Застрелить из пистолета! Забыл?

– Ты сумасшедшая, Светка. – Максим включил интимные нотки. – И всегда мне этим нравилась. На самом деле хорошо, что ты позвонила. Сам бы я еще долго одергивал руку от телефона. А все мой дурацкий характер! Я понимаю, что незаслуженно обидел тебя, девочка. Знаешь, последние сутки я не нахожу себе места, думая о нас… о том, что ты, наверное, права… хоть мне и трудно в этом признаться… «наш роман – волшебная книга»… мне, физику, приходится признать победу лирика… твою победу надо мной, Светик… ведь ты заставила меня поверить в любовь…

– Заткнись! – В трубке было слышно, как у девушки стучат зубы – то ли от волнения, то ли от злости. – Заводи эту пластинку другим дурочкам! А я звоню в прокуратуру!

– Звони, милая, – печально разрешил Максим. – Там хорошо знают, что мужчина, бросивший женщину, потом долго мерещится ей повсюду – и на улице, и на экране телевизора.

Он чувствовал, что блефует неумело, что выдает себя с ног до головы, но никак не мог придумать правильный ход. Правая его лопатка была прочно прижата к полу, а левую он из последних сил удерживал на весу, демонстрируя противнику, что не побежден. Это самое скверное положение в борьбе. Противник входит в раж, ему остаются считаные мгновения до чистой победы, а у поверженного только два пути: опустить вторую лопатку и уповать на милость победителя, или… выкручиваться до последнего, а проиграв, все равно оспаривать поражение.

– Звони, – повторил Максим уже более решительно. – Но учти: завтра, когда твой нелепый наговор станет очевидным, я подам на тебя в суд за клевету. Адвокат, представляющий мои интересы, – из конторы «Глуз энд партнерс». Почитай о них в Интернете, дорогая. Они позаботятся, чтобы клеветницу, наветчицу отчислили из института и вдобавок отсудят у нее кучу денег!

– Хорошо, что ты заговорил о деньгах, – спокойно перебила Светка. – Я не настолько кровожадна, чтобы упечь тебя в тюрьму лет на двадцать. Сойдет, если ты пострадаешь финансово. Но выбирать – тебе.

– Ты просто шлюха! – вырвалось у Максима.

– Нет, – усмехнулась в трубку девушка, – я – «пещера неожиданностей». – Она цокнула языком от удовольствия: вторая лопатка прижата к полу. – Даю тебе два дня, Максик. Мне нужно десять тысяч долларов. Два дня без напоминания. По умолчанию – звонок в прокуратуру. Пока, милый. – И она нажала «отбой».

Максим бессильно уронил руки на одеяло. Вот тебе и девочка-лирик!

Месть обманутой, уязвленной женщины жестока, безрассудна и потому плохо просчитываема. Любящая или мстящая, страстная или ненавидящая – женщина всегда за гранью координат, потому что невидимый тумблер ее разума уже давно в положении «off».

«В отличие от тебя, Максик, она не блефует, – с горечью констатировал он сам себе. – И через два дня позвонит во все правоохранительные структуры, которые только найдет в телефонном справочнике. А заодно – на телевидение, в редакции газет и на всякий случай для верности – в Администрацию Президента. Дело скверно, фон Штыц. Совсем скверно…»

В палату впорхнула та самая медсестра, что четверть часа назад подмывала больного на соседней койке.

Она жизнерадостно тряхнула русыми косичками, вытаращила на Максима зеленые глазищи и сообщила бодрым голоском:

– Танкован! К вам пришли. Из милиции…

5

– Антиох! – взвизгнула Маргарита.

Седая лохматая голова вздрогнула за ширмой, и на медсестру испуганно зыркнули быстрые глаза. Через мгновение матовые створки раздвинулись, и на середину комнаты выползло косматое чудище в синей больничной пижаме и рваных шлепанцах.

– Я чуть сознание не потеряла от испуга! – всплеснула руками девушка, едва переводя дух. – Что ты здесь делаешь? Почему не в палате? Я тебя спрашиваю, Антиох!

– Я здесь… беседую с покойным, – медленно ответил тот.

Ему, наверное, было под шестьдесят. Странный человек без возраста и без фамилии. С длинными пепельными космами, иногда убранными назад в хвост, а чаще просто – свалявшимися и небрежно рассыпанными по плечам, неряшливой седой бородой, с землистым лицом, похожим на обугленный пергамент, и ясными, умными глазами непонятного цвета, он походил на паломника или горестного скитальца из былинных сказок. У него даже имя было подходящее – какое-то древнее, то ли греческое, то ли славянское.

Высокого роста, широкоплечий, с огромными, жилистыми ручищами, он выглядел скорее устрашающе, чем жалостливо. Впрочем, в городке его никто не боялся, а многие даже подтрунивали над косматым чудаком с добрыми глазами и странноватыми речами.

Маргарита считала Антиоха забавным, добрым и, как многие в Сыром Яру, называла его на ты. Он же, напротив, выкал всем без исключения, даже пятилетним малышам.

Антиох имел обыкновение говорить витиевато, образно, с каким-то лишь ему одному известным подтекстом. Это – в те дни, когда он был словоохотлив. Но бывало, чудак уходил в себя, замыкался, становился молчаливым и даже угрюмым. Его резкие перепады настроения, странности в поведении и в одежде, глубокомысленные, почти дидактичные речи в совершенно обыденных ситуациях закрепили за ним славу «слегка тронутого», «чуть шизанутого», «пыльным мешком по голове трахнутого» бездельника.

Сколько Маргарита его помнила, он никогда нигде не работал. Летом жил в вагончике рядом с сельскохозяйственными угодьями, а зимой находил приют в маленькой пристройке к часовне на заднем дворе городского храма. Каким образом этот странный бородач добывал себе кусок хлеба – оставалось загадкой. Иногда Антиох попрошайничал на паперти, но чаще, как он сам любил выражаться, «просил милостыню у природы». Косматый чудак бродил по лесу в поисках «целебных корешочков и лекарственных травушек», а также собирал «ягодки, грибочки, орешки, взращенные Богом там, где и человек-то, наверное, не ступал».

В больницу Антиох попал неделю назад с диагнозом «острое пищевое отравление». По его собственному признанию, он «налупился грибочков», и один из них, видимо, «оказался отступником».

– Он притворился съедобным, – объяснил бородач врачу. – Даже грибы умеют притворяться, не только люди. С виду – обычный боровичок, а душа – поганистая. И с такими грибочками, как с людьми: пока не отравишься – не поймешь, что внутри.

Маргарита заморгала, полагая, что ослышалась.

– С кем… ты беседуешь?

– С покойным. – Антиох задумчиво почесал бороду. – Понимаете, душа страдальца еще какое-то время будет здесь. – Он обвел ручищами палату. – Ей нужно высказаться, пока есть время.

– Ты разыгрываешь меня?

– Ну что вы… – Он покачал косматой головой. – И в мыслях не было. Я нарочно удрал сюда втайне от всех, чтобы побыть наедине… Если меня сегодня выпишут днем, то вечером на

службе успею поставить свечку. И записочку подам об упокоении новопреставленного Михаила.

– Михаила?.. – растерянно пробормотала Маргарита. Перед глазами всплыла табличка, еще вчера вечером висевшая в ногах больного: «М. Струковский, 1948 г. р. Аневризма аорты». – Откуда ты знаешь его имя?

Антиох пожал плечами.

– Он мне сам сказал…

– Кто? – Маргарита не верила ушам.

– Убиенный Михаил.

Девушка почувствовала, что пол уходит из-под ног.

– Откуда… С чего ты взял, что он был убит?

– Он мне сам сказал, – тем же тоном повторил Антиох и как-то несерьезно, по-детски, сложил трубочкой губы, едва различимые в густых зарослях бороды.

Маргарита не знала что и думать. Если имя умершего этот странный человек мог подсмотреть где-нибудь в журнале дежурств или в медицинской карте, то про убийство – чистый блеф! Может, он провоцирует ее? Может, ему посоветовала так поступить Тамара Игнатьевна? Но откуда старшая медсестра могла знать, что Маргарита появится сегодня в ПИТе? И почему она выбрала для своих сомнительных игр самого странного и самого непредсказуемого пациента отделения?

– А… как он был убит? – сама не понимая зачем, спросила девушка.

Вместо ответа бородач грузно опустился на корточки и достал из-под тумбы оборванный конец электрического провода.

– И ты знаешь… кто убил? – Маргарита чувствовала, что сердце сейчас выпрыгнет из груди. Она почему-то была уверена, что Антиох стушуется от этого вопроса.

Но тот простодушно пожал плечами:

– Знаю.

– Кто? – выдохнула медсестра.

– Не могу сказать, уж извините великодушно.

– Да что же это такое! – воскликнула Маргарита. – У меня ощущение, что ты играешь со мной в какую-то странную и жуткую игру. Пугаешь меня, интригуешь и дразнишь! Если ты откуда-то знаешь… если по какой-то причине… пусть, даже сверхъестественной… тебе известно, кто убийца, – так назови его!

– Простите, если невольно явился причиной вашего волнения, – сокрушенно покачал головой Антиох. – Видит Бог, я этого не хотел. Просто… вы застали меня здесь за таинственным и даже интимным занятием и принялись задавать вопросы. Я растерялся и честно на них ответил. Но есть вещи, о которых я не могу рассказывать. Надеюсь, вы поймете меня и не станете упорствовать.

– Пойму тебя? – расширила глаза Маргарита. – Есть вещи, которые я не могу понять.

– Это не удивительно, – развел он руками и, заметив, что медсестра вспыхнула от такой неучтивости, поправился: – Мы, *люди,* очень многого не понимаем. Нам не дано…

– Возможно, – кивнула девушка. – Но разве не правильно, не естественно назвать людям имя убийцы? Разве не справедливо разоблачить его и наказать?

– Справедливо? – задумчиво переспросил бородач. – Что мы знаем о справедливости? С точки зрения грибочка, который я сорвал и бросил в лукошко, с ним поступили несправедливо. Он даже взял и попытался отомстить. Но ведь мне и в голову не придет, что я отравился, потому что был не прав по отношению к грибочку. Верно? Я буду думать, что просто не отличил добрый плод от дурного.

– При чем здесь грибочки? – нахмурилась Маргарита.

– Мы ничем от них не отличаемся, – развел руками Антиох. – У грибочка – своя справедливость, у человека – своя. И каждый считает, что прав.

– Какая еще справедливость может быть у грибочка?

– Во-от! – протянул бородач, подняв указательный палец. – Вы смеетесь, потому что уверены, что у низших существ не может быть понятий о справедливости. Им попросту *не дано.* И вы, конечно, правы. Но почему же вы не допускаете, что кто-то точно так же может смеяться над нами?

– Понятно, – покачала головой медсестра. – Ты сейчас витиевато толкуешь про Высшую справедливость?

– Ага, – просиял Антиох. – Спасибо, что поняли меня. Грибочки никогда не смогут жить по человеческим законам, а люди все-таки должны стараться жить по законам Божьим.

– То есть ты предлагаешь дожидаться Высшего суда, правильно? – Маргарита засунула руки в карманы халата. – А суду земному убийцу не предавать? И это будет по-настоящему справедливо, так?

– Бог сам управится как нужно, – серьезно ответил бородач. – И мы не должны лезть в Его дела. Без воли Божьей и волос ни с чьей головы не упадет.

– А если завтра окажется, что убийцу и без тебя вычислили, поймали и предали суду – тогда как?

– Значит, так надо. Значит, такова Его воля.

– Скажи, а ты не думаешь, что если каким-то образом тебе было дано узнать имя убийцы – то это и есть воля Божья? Может быть, ты – инструмент этой воли?

– Не-ет, – протянул Антиох и погладил ручищей бороду. – Человеку не дано слышать небо. Высшая справедливость вершится без нашего участия. – Он вдруг оживился. – Судите сами: вот я, например, живу как живется, не ропщу, не жалуюсь. Бывает, покушаю всласть, а бывает – и крошки во рту не оказывается. Но я считаю, что все это – справедливо. У меня нет выбора, и я этому рад. Небо все решает за меня.

– Ты говоришь: нет выбора? – задумчиво переспросила Маргарита. – А мне кажется, Бог всегда нам его дает. – Она тряхнула головой. – Ты говоришь: человеку не дано слышать небо? А что, если он просто глух? И что, *если небо молчит?.*

Антиох вздохнул и шаркнул тапочкой по линолеуму, рисуя ногой невидимые значки. Он и впрямь был похож на ребенка, только – большого, косматого и седого.

«Зачем я его пытаю? – подумала Маргарита. – Что толку с того, если он даже и назовет имя? Я же не пойду в милицию или к заведующей со словами: вот, мол, вам убийца, мне указал на него Антиох из восьмой палаты, а тому, в свою очередь, все известно от самого покойного!»

Кроме того, где гарантия, что бородач не ошибается, что он вообще в своем уме? Этот чудак мог запросто все выдумать: и разговор с призраком, и имя убийцы. Хотя… Откуда-то ведь он узнал про вырванный шнур!..

– Если я вам скажу, кто расправился с новопреставленным Михаилом, – будет только хуже, – словно прочитав ее мысли, пробормотал Антиох. – Вы не поверите, а если поверите – расстроитесь и в сердцах наломаете дров. А вот все прочие в этой больничке уж точно не поверят моим словам. Здесь нужен настоящий свидетель, авторитетный и беспристрастный. Такой, как старина Битюцкий…

Маргарита вздрогнула.

– А при чем здесь Битюцкий? – настороженно спросила она.

Не переставая чертить тапочкой на полу загадочные иероглифы, бородач пожал плечами:

– Просто если почтенный господин все равно уж бродил вечером по отделению, то наверняка мог видеть убийцу. Даже непременно видел. – Антиох шмыгнул носом. – И уж ему-то обязательно поверят. Не то, что мне…

– Битюцкий в операционной, – сказала Маргарита. – Утром ему стало плохо с сердцем. Разве не знаешь?

Бородач удивленно поднял на нее глаза.

– Н… нет, не знаю. Когда же это случилось?

– Еще до обхода. – Маргарита покачала головой. – Если ты не в курсе, значит, давненько здесь ошиваешься.

– Давненько, – простодушно согласился тот. – Новопреставленный Михаил не хотел, чтобы я ушел, не дослушав его…

– Забавно… – Маргариту так увлек этот разговор с необычным и странным пациентом, что она не заметила даже, как отступила слабость, мучившая ее все утро. Голова прошла, исчезла противная сухость во рту, и лишь глаза все еще слегка слезились от усталости. Она забыла, что собиралась позавтракать и выпить кофе, она забыла даже, зачем пришла в палату интенсивной терапии.

– Я требую адвоката и представителя парламентского комитета по правам человека! – донеслось до нее из коридора.

– Ой! – Девушка испуганно закрыла ладонью рот. – Мне нужно срочно поставить больному капельницу и начинать процедуры! – Она бросилась к кровати, на которой еще вчера лежал, подключенный к аппарату искусственного дыхания, Михаил Струковский, и схватила металлическую стойку с пустой пластиковой бутылью в держателе. – Антиох! Здесь посторонним находиться не положено. Немедленно отправляйся в палату! И можешь уже переодеваться – твои документы на выписку готовы!

Они покинули ПИТ одновременно: высокий лохматый чудак и стройная, хорошенькая медсестра.

– Кстати, а что ты делал за ширмой? – на ходу спросила Маргарита.

– Мне просто хотелось постоять там, осмотреться, – не сбавляя шага, объяснил бородач и доверительно добавил: – Ведь за ширмой какое-то время прятался убийца…

Диалог с косматым Антиохом не шел у нее из головы весь день. Маргарита ставила уколы, делала клизмы, готовила полоскания и прогревания, возилась с ингаляторами и капельницами и неотступно думала о странностях этого разговора. Она никогда не умела логически мыслить, анализировать и просчитывать, но зато обладала другим талантом – способностью чувствовать, слышать и думать сердцем. Она верила в порыв, в озарение и считала главными своими подсказчиками душу и сердце.

И сейчас ее невидимые суфлеры твердили ей: Антиох не лжет, возможно, он в самом деле наделен сверхъестественным даром понимать запредельное, поэтому и выглядит в глазах людей чудаком. А значит, все – правда: и вырванный шнур, и прячущийся за ширмой убийца! Выходит, когда Маргарита меняла раствор в капельнице, он мог находиться там, в полутемной палате, прямо у нее за спиной! От таких мыслей просто мороз по коже подирает! Но вот загадка: каким образом неизвестный злодей проник в ПИТ, оставшись незамеченным? Любой, зашедший в отделение терапии через основной вход, непременно обнаружил бы себя. Уж мимо стола дежурной медсестры по гулкому пустынному коридору никак бы не проскочил! Значит, преступник воспользовался служебным лифтом. Его двери как раз в двух шагах от ПИТа. Или же… (нет, в такое просто невозможно поверить!)… убийца – кто-то из пациентов отделения!

Маргарите стало страшно. Как можно спокойно работать, если отныне, заходя в ту или другую палату, она невольно станет присматриваться к больным, подозревая каждого из них в жутком преступлении? Если вместо того, чтобы успокаивать себя, беря пациента за руку, чтобы ввести внутривенную инъекцию, она будет думать, не эти ли пальцы вырвали из сети провод питания в ПИТе?

В два часа в коридоре возникло заметное оживление. Двери служебного лифта распахнулись, и двое санитаров выкатили на каталке пациента, накрытого до подбородка белой простыней. Один из медбратьев держал над головой пластиковый мешочек, из которого по трубке, подсоединенной при помощи канюли к руке больного, бежал раствор. Высокий худощавый врач в голубом хирургическом костюме вышел из лифта и, опередив санитаров, поспешно распахнул перед ними дверь в палату интенсивной терапии:

– Сюда, сюда… Быстренько… – скомандовал он. – Подсоедините его к приборам и проверьте работу компьютера. – А потом уже громко и раздраженно крикнул в глубь коридора: – Где, черт подери, дежурная сестра? Почему, мать вашу, опять никого нет возле ПИТа?

Маргарита оставила больного с кружкой Эсмарха в процедурной и со всех ног бросилась на зов.

– Ты, что ль, опять? – Врач подозрительно оглядел ее с головы до ног. – Совсем худо в отделении с нормальным персоналом?

– Я распишусь в журнале, – она запыхалась то ли от бега, то ли от обиды, – и все проконтролирую, можете не волноваться.

– Волноваться? – насмешливо переспросил хирург. – Мне-то чего? Расписывайся на здоровье и хоть всех больных истреби поодиночке! Было наше – стало ваше. – С этими словами он сунул ей под нос журнал с раскрытой, но еще не заполненной страницей. Сверху, над пустыми колонками, значилось имя нового пациента палаты интенсивной терапии: «Битюцкий А.А., время поступления 14.06».

Маргарита ахнула.

Ее вчерашний спаситель теперь занял место «новопреставленного Михаила».

Прихватив журнал, она заглянула в палату. Проворные санитары возились со стариком, который, похоже, пребывал в коме или просто еще не отошел от наркоза. Сейчас, при свете двух мощных ламп, подчеркивающих бестелесный овал лица, алебастровую бледность худых плеч и впалой груди, уже облепленной электродами и прикрытой паутиной проводов, он опять напомнил Маргарите привидение. Пушистые, бесцветные волосы растрепаны, тонкие, прозрачные губы сжаты в едва различимую капиллярную линию, тонкий, точно хрустальный, нос заострен – бесплотный образ, временно задержавшаяся на подушке душа!

Девушка почувствовала знакомый горьковатый привкус во рту. Сейчас ей станет дурно от страха, отчаяния и усталости. Перед глазами уже поплыли зеленоватые круги с коричневыми ободками.

В ПИТе новый пациент! И все, словно сговорившись, беззастенчиво намекают ей, что она станет виновницей его гибели! Господи! Неужели этому беспомощному старику, великодушно пришедшему ей на помощь минувшим вечером, теперь уготовано повторить печальную судьбу Струковского?! Неужели он тоже умрет непонятной смертью, а в его бесцветных, потухших глазах застынет ужас и отчаяние брошенного в бездну человека?!

– Включи электрокардиограф и проверь монитор! – раздраженно бросил ей один из санитаров – упитанный, но бойкий коротышка в синих льняных штанах, выглядывающих из-под халата.

Маргарита кинулась выполнять.

Зеленый экран осциллографа заморгал и через мгновение выдал синусоиду, послушно скачущую под ударами сердца Битюцкого. Оно бьется! Сильно, ярко, отчетливо.

Почему-то эта кривящаяся линия на мониторе успокоила Маргариту. Она будто бы получила видимое, осязаемое подтверждение того, что жизни старика ничто не угрожает.

– Счастливо оставаться! – крикнул ей на прощание коротышка, увлекая своего товарища к лифту. – Мы свое дело сделали.

– Он выкарабкается? – Глупо было спрашивать об этом санитара. Да и вообще нелепый вопрос. *Не медицинский.* Но Маргарите очень хотелось, чтобы эти двое, бросающие ее один на один с умирающим, беспомощным человеком, хотя бы кивнули в ответ.

– Здесь ведь как… – Коротышка весело щелкнул пальцами. – Может, выкарабкается, а может, и нет! Фифти-фифти! – И он хохотнул.

Когда за ними бесшумно сомкнулись железные двери лифта, девушка вздохнула и склонилась над столом.

Компьютер выбросил на черное поле знакомые желтые таблицы и красную мигающую рамку контроля. Давление – сто пять на семьдесят. Частота сердечных сокращений – шестьдесят ударов в минуту. Уровень кислорода в крови…

Если хоть один из этих показателей упадет ниже нормы, компьютер подаст сигнал – тот самый, противный пищащий звук, увы, уже знакомый Маргарите.

Сверяясь с данными на экране и стараясь унять нервную дрожь в руках, она заполнила нужные столбцы в журнале, потом отрегулировала «мышью» громкость сигнала тревоги до отметки «мах» и отправилась в палату.

Битюцкий неподвижно лежал на спине, облепленный датчиками и по пояс накрытый простыней. Если бы не включенные, моргающие мониторы за стеной – можно было с уверенностью сказать, что он уже умер. Маргарита достала запутанный в проводах крошечный пульт с кнопкой вызова медсестры и положила его под левую руку больного. Если старик придет в сознание и ему что-нибудь потребуется, достаточно лишь пошевелить пальцем – на основном посту зазвучит зуммер сигнала, и она со всех ног бросится на помощь.

А сейчас ей нужно возвращаться в процедурную комнату. Уколы, прогревания, капельницы, клизмы… По дороге – заскочить в ординаторскую. В конце концов, состояние больного должны контролировать врачи, а не медсестры. Только бы старик выкарабкался! Только бы пошел на поправку! Еще одной смерти она просто не выдержит!

К четырем часам Маргарита извела себя настолько, что, едва дотащив ноги до основного сестринского поста, без сил опустилась на стул, вытянула вперед руки и уронила на них голову. Чертовски хотелось спать! Голова была тяжелой, и в ней глухим рефреном звучал голос Антиоха, не обычный – спокойный, с полудетскими нотками, а взволнованный и хриплый: «Я вам скажу, кто расправился с новопреставленным Михаилом! Скажу, кто прятался за вашей спиной в полумраке палаты! Но вряд ли вам от этого станет легче! Наоборот, станет только хуже, еще мерзопакостнее станет на душе!» Голос удалялся, становился тише, слова превращались в невнятные созвучия, сливались в одно долгое, едва различимое эхо: «Сказа-ать? Сказа-ать? Назва-ать фами-илию? Тогда слу-ушайте! Во-от она-а…»

– Байкалова!

Маргарита вздрогнула и подняла голову, испуганно моргая. «Градусник» на стене показывал четверть пятого. Когда она успела задремать?

Тамара Игнатьевна склонилась над столом, как стойка душа над ванной. На ее губах играла нехорошая улыбка.

– Байкалова! – повторила она насмешливо. – Опять спишь на рабочем месте! Прелестно… У нее больные дохнут как мухи, а ей все нипочем!

– Что? – Девушка никак не могла стряхнуть с себя липкую, приставучую дремоту. – Больные?.. Еще кто-то умер?

– А тебе одного мало? – с издевкой поинтересовалась старшая медсестра.

– Простите… – Маргарита потерла пальцами виски. – Мне просто… Я немного устала, но сейчас же приведу себя в порядок.

– Надеюсь, – хмыкнула «вобла». – Ты, девонька, хоть, возможно, и последние дни, но все-таки еще работаешь в больнице! Ты пока еще медик, понятно?

– Понятно.

Тамара Игнатьевна выпрямилась и сложила руки на груди.

– Довожу до твоего сведения, Байкалова, что я в надлежащей форме доложила руководству подробности вчерашнего происшествия…

– Откуда вам знать подробности? – глухо спросила Маргарита.

– Доложила в надлежащей форме, – повторила «вобла» металлическим голосом. – И главный врач считает, что степень твоей вины должны определить правоохранительные органы. – Она торжествующе подняла бровь. – Мы уже сообщили обо всем куда следует. А это знаешь чем пахнет? Это пахнет не только увольнением, но и тюрьмой!

Последнее слово старшая медсестра произнесла раскатисто и громко, поиграв костлявыми пальцами перед самым носом девушки, чтобы та почувствовала, что это «рь-рь-рь» и в самом деле скверно пахнет.

Маргарита опустила глаза и отвернулась.

«Если бы я хотел тебя проучить, – вспомнила она жаркий шепот врача Журналова, – то сыграл бы по-крупному. Так, чтобы тюрьмой запахло. Например, спер бы у тебя весь промидол. В ответе – ты да Игнатьевна. Но она – баба ушлая, без мыла выкрутится. Вот и расхлебывала бы ты все одна, девонька…»

– Между прочим, – «вобла» понизила голос, – на зоне тебе уже не дадут кочевряжиться и морду воротить, как ты это делаешь. Тебя там быстренько оприходуют. Со всеми бабами переспишь как миленькая!

Маргарита молчала, стиснув зубы.

– Иди, умой рожу! – снова перейдя на повышенный тон, приказала Тамара Игнатьевна. – И не проспи вечерние процедуры! – Она снова хмыкнула и, развернувшись, зашагала прочь.

Девушка проводила ее долгим мученическим взглядом и устало запустила в волосы пятерню.

«Что со мной и за что мне все это? Похоже, меня подставили самым отвратительным образом! Самое печальное, что мне придется расхлебывать эту кашу до дна.

В мое дежурство случилось непоправимое – умер человек, но одной беды мало! Мне предстоит доказывать, что эта смерть – не моих рук дело! Наверное, мама права и я неудачница! Все самое худшее, самое жуткое, что могло когда-нибудь со мной произойти, уже происходит!»

На самом деле, она ошибалась.

Все самое худшее и самое жуткое было еще впереди.

В сумочке громко разрыдался Мартынов, безответно призывая свою любимую откликнуться и вернуться. Маргарита вздрогнула, достала телефон и, не веря своим глазам, уставилась на дисплей.

Звонил оперуполномоченный городского УВД Александр Михайлович Корж. Сашка Корж! Делал он это нечасто, тем удивительнее показалось ей совпадение: ведь она только что собиралась позвонить ему сама.

– Ты где? – холодно поинтересовался милиционер, даже и не подумав поздороваться. – Дежурство еще не закончилось?

– Сашка! – В голосе девушки было столько неподдельной радости, что ее собеседник невольно сменил тон и даже буркнул «привет». – Я заканчиваю в восемь, если Женька не опоздает… А потом еще… Я сама хотела… Как хорошо, что ты позвонил! Ты меня искал?

– Искал, – подтвердил Корж и добавил после паузы: – Я у тебя дома, Марго.

– Что-то случилось? – встревожилась та. Руки вдруг ослабели, а в голове роем пронеслось: «Антошка?! Мама?!..» – Говори, не тяни!

– А просто так я зайти не могу? – Голос в трубке хрустнул обидой.

У Маргариты опустились плечи.

– Прости, Саша. Я сегодня какая-то… дерганая. Одно на другое. – Она вздохнула. – Конечно, можешь заходить когда хочешь. Тебе в нашем доме всегда рады. И Антон, и мама.

– И ты тоже? – уточнил Корж.

– И я.

Это была чистая правда.

Маргарита всегда относилась к Сашке Коржу с искренней теплотой. Она писала ему в армию длинные, хорошие письма, но он перестал отвечать, как только узнал про ее отношения с Танкованом. К слову – от нее же и узнал. Маргарита не чувствовала за собой вины, поэтому осуждения и упреки знакомых принимала с негодованием.

– Сашка – мой друг! – твердила она. – Кто вам дал повод записывать его мне в женихи?

– Глупая, – сказала ей как-то мать, – наивная дурочка. Если ты провожаешь парня в армию, значит, вы с ним в глазах людей, считай, помолвлены. И он вправе надеяться, что ты его будешь ждать.

– Но это же не так! – с отчаянием возразила Маргарита. – Мы с Сашкой никогда даже не говорили о любви!

– И опять – глупая, – усмехнулась мать. – В таких вещах и без слов многое понятно.

– Как же можно – без слов? Без признаний, без объяснений, без жаркого шепота и страстных взглядов?

– А от физика своего ты много страстных признаний слышала? – съязвила мать. – Вскарабкался на тебя, кобелек, без всякого жаркого шепота!

Маргарита опустила глаза.

– Признания были… Мои.

Сашка вернулся из армии, когда Антону был почти год. Маргарита ждала, что он зайдет поздороваться, повидаться. Может быть, захочет с ней объясниться. Но Корж не появился. Тогда она сама отправилась к нему.

– Нам не о чем говорить! – отрезал он. – Ты предала меня.

– Неправда! – Щеки девушки пылали. – Я всегда дорожила нашей дружбой и дорожу до сих пор.

Объяснение получилось скомканным и пустым.

– В общем, так, – закончила Маргарита. – Хочешь остаться мне другом – я всегда тебе рада. Знай это.

Сейчас Корж словно напомнил ей тот давнишний разговор. И в этом пустяшном и даже кокетливом переспрашивании – мол, а ты рада мне? – крылась какая-то новизна, таилось что-то непохожее на обидчиво-серьезного и иногда грубоватого Сашку Коржа. Он временами наведывался в гости, играл с Антошкой, сдержанно и с достоинством беседовал с матерью Маргариты о всякой ерунде, исподлобья кидая на девушку тяжелый, испытующий взгляд, и уходил восвояси. Он не оказывал Маргарите никаких знаков внимания, способных дезавуировать, обнаружить его отношение к ней. Он и не ухаживал, и не дружил. Он просто иногда появлялся по старой памяти, подобием телеграммы от дальних родственников, которую, еще не прочитав, можно расценить и как вежливое напоминание о себе, и как тревожный сигнал о неведомом происшествии.

– Он тебя любит до сих пор, – утверждала мать.

– С чего ты взяла? – отмахивалась Маргарита. – Сашка давно выкинул из головы свое юношеское увлечение.

– Я очень рада тебе, – повторила она.

– Не потому ли, что у тебя неприятности на работе? – насмешливо уточнил Корж.

– Ты уже знаешь?..

– Разумеется. Нам позвонила докторша ваша… – Он хмыкнул. – Сказала, что ты передушила всех больных в отделении.

– Заведующая? – ахнула Маргарита. – И она тоже считает, что я?..

– Ничего она не считает! – перебил Корж. – Просто перестраховывается. Дураку понятно. Каждый прикрывает свою задницу, Марго.

– Значит… ты приедешь? – робко спросила она.

– Куда? В больницу? На фига?

– Ну как же… – Маргарита растерянно пожала плечами. – Тебе же нужно отреагировать на сигнал.

– Отреагирую, – пообещал Сашка. – Ваши трусливые эскулапы, вместо того чтобы лечить людей, только подкидывают нам бумажной волокиты. А мы, вместо того чтобы ловить «псов», вынуждены тратить время на всякие глупости!

– Это не глупость, Саша… – тихо сказала она. – Умер человек…

– У вас всякий день кто-нибудь умирает. И что? Мы должны держать бригаду для каждого вашего жмурика?

– Похоже, что это убийство, Саш… – Голос Маргариты сделался глуше. – Наверное, тебе все-таки следует приехать сюда, поговорить с заведующей, с дежурным врачом, с больными и… со мной.

– Мы с тобой поговорим вечером, – пообещал Корж. – Я дождусь тебя. – Он опять хмыкнул. – Антошка, похоже, единственный человек, который рад мне по-настоящему, без корысти.

– А место преступления? – настаивала Маргарита. – Неужели ты не хочешь даже взглянуть на него?

– Только не убеждай меня, что было преступление, – посоветовал Сашка.

– Было… И похоже, здесь все считают виноватой меня! Мне очень плохо. А ты не хочешь мне помочь!

– Завтра с утра у вас в больнице будут два наших опера, – пообещал Корж. – Все посмотрят, всех опросят, со всеми пообщаются.

– Завтра? – удивилась Маргарита. – Быстро же работает наша милиция! Приезжает на место преступления через полтора суток!

– Работает как может, – буркнул он. – Вы тоже, между прочим, сообщаете о происшествии лишь на следующий день.

– Как же вы теперь станете искать убийцу?

– Убийцу ищут, когда есть убийство, – резонно заметил Корж. – А халатность и глупость врачей – компетенция самих врачей. Мы в такие дела без крайней нужды не лезем. Наслышаны о вашей корпоративной солидарности.

– Какая солидарность, Саша? – воскликнула Маргарита. – Мне здесь чуть ли не в открытую говорят, что я убила пациента!

– Тебе не о чем беспокоиться, – заверил он. – Я позабочусь, чтобы злые языки умолкли.

– А о поиске убийцы позаботишься? *Настоящего* убийцы…

– Прости, меня Антошка зовет рисовать черепашек-ниндзя… – Корж положил трубку.

В половине седьмого, после окончания вечерних процедур, Маргарите наконец удалось заварить себе кофе. Она сидела за столом основного поста и с наслаждением вдыхала аромат, исходящий из большой белой кружки с полустершейся надписью «Я люблю Нью-Йорк». Круассан, оставленный утром Женечкой на чайном подносе, теперь лежал перед ней на крохотной бумажной салфетке и выглядел хоть и подсохшим, но очень и очень аппетитным.

С фотографической карточки в небольшой стеклянной рамке на Маргариту смотрели два самых близких человека: мама – Нонна Карловна, строгая и даже хмурая шестидесятилетняя женщина, и сын Антошка – беззаботный пепельно-русый мальчуган с глазами своего отца, Максима Танкована. Этот снимок всегда стоял на столе дежурной медсестры, и Маргарита любовалась им, когда в редкие часы отдыха, отвлекшись от формуляров и процедурных листов, сидела одна в ночной больничной тишине, подперши рукой подбородок и задумчиво улыбаясь.

Вот и сейчас она с грустной улыбкой смотрела на любимые лица и тихонько качала головой:

– Все хорошо, мои дорогие… Я справлюсь… Все хорошо…

Мать Маргариты отличал тяжелый, неуживчивый характер. Она была замкнута, немногословна, сварлива и даже иногда откровенно враждебна к окружающим. Когда Маргарита была маленькой, Нонна Карловна работала диспетчером в автобусном парке и умудрилась оставить там о себе только нелестные воспоминания.

«Ханжа! Старая дева! Грымза!» – вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми награждали ее коллеги. У Нонны Карловны никогда не было подруг, она презирала женщин, а мужчин и подавно терпеть не могла, чем заработала себе ярлык мужененавистницы. Совсем как нынче – Маргарита. Ведь и ее такие, как Журналов, обвиняют в неприязни к мужскому полу и ханжестве.

Впрочем, девушка всегда и во всем была противоположностью своей матери: добра, терпелива, отзывчива и… наивна. И лишь одно делало их похожими – странная, самоотверженная любовь к единственному мужчине. Маргарита не знала своего отца, а мать почти никогда не говорила о нем. Короткое знакомство двух одиноких людей завершилось, вероятно, так же внезапно, как и вспыхнуло. Но оно оставило после себя живое напоминание о ярком и красивом чувстве – родившуюся Маргариту. А еще непреходящую любовь – такую сильную, что до сих пор в сердце матери не освободилось место для другого мужчины.

Выйдя на пенсию, Нонна Карловна практически перестала показываться на людях. Она редко выходила из «чертовой избушки» (так почему-то окрестили их деревянный сруб – единственный жилой дом за чертой города у самого леса). На бывшей работе кто-то распустил слух, что Нонна Карловна гадает по руке, привораживает и нагоняет порчу. Маргарита никогда не видела мать ни за картами, ни со свечой в руке, ни с какими-то ни было иными атрибутами экстрасенса. К ней действительно временами наведывались бледные женщины и хмурые, растерянные мужчины с просьбой «успокоить душу». Они неслышно на цыпочках прокрадывались в комнату матери – «святая святых», куда она не пускала никого, даже внука, – а потом так же тихо и незаметно уходили.

Неизвестно, чем помогала им Нонна Карловна, и помогала ли вообще, но на бывшей работе за ней прочно закрепилась слава колдуньи, в особенности после того, как там случился пожар. Огонь свирепствовал ровно сутки и уничтожил несколько административных зданий и автобусное депо, в котором когда-то работала мать Маргариты. Из ряда вон выходящим это происшествие делало то, что случилось оно в конце сентября – в самый сезон дождей, – но ни ливень, ни усилия сбившихся с ног пожарных не смогли остановить злобную огненную стихию. Пожар бушевал ровно столько, сколько ему было нужно, и стих сам собой.

– Это Нонна из чертовой избушки наколдовала! – судачили бывшие коллеги. – Слышали? В огне сгинул зав-гар Белобородько! А он, бедняга, Карловну чем-то обидел, когда та была его подчиненной!

Следствие по этому странному делу велось месяц, причиной пожара назвали поджог, но злоумышленника так и не нашли. К Нонне Карловне наведывались из милиции «просто так, пообщаться», но она к ним даже не вышла – заперлась в комнате и на просьбу «ответить на один маленький вопросик хотя бы из-за двери» отвечала презрительным молчанием.

Вообще, мать Маргариты покидала свою «избушку» только по необходимости – в магазин сходить или Тоху из садика забрать. В конце концов, и без того малочисленные знакомые Нонны Карловны начали о ней забывать. В последнее время даже жаждущих «успокоения души» стало меньше.

У самой Маргариты отношения с матерью складывались непросто. Нонна Карловна осудила дочь за связь с Танкованом, с «этим похотливым красавчиком», а когда та, возражая, вспомнила про собственного отца, влепила девушке пощечину.

– Будешь дерзить – выгоню из дома! – пообещала она. – Вместе с нагулянным дитем!

Однако когда Антошка появился на свет, сердце суровой женщины дрогнуло. Она взяла на себя значительную часть забот о ребенке и никогда более не попрекала им дочь.

Маргарита и в свои двадцать три любила мать любовью той маленькой, несмышленой девочки, которой достаточно просто ткнуться носом ей в подол, спрятать свою ладонь в ее большой, натруженной ручище, чтобы высохли слезы, исчезли страхи и обиды, чтобы грозный мир отступил, уважительно склонив голову перед такой неоспоримой защитой. Правда, ей часто не хватало матери-подруги. Той, с которой можно поболтать долгими вечерами, пожаловаться на судьбу или поделиться нехитрыми женскими радостями, у которой можно спросить мудрого совета. Властная, волевая и безапелляционная в суждениях, Нонна Карловна была дочери защитницей, но не утешительницей, опорой; душеприказчицей, но не душой.

Маргарита успела надкусить круассан и сделать глоток обжигающего кофе, когда в коридоре пролилась дребезжащая, оглушительная трель звонка. Она вздрогнула, похолодев от ужаса: «У Битюцкого остановилось сердце!» – но тут же сообразила, что звук, прокатившийся по отделению, отличается от того, что обычно издает компьютер системы контроля. Этот оглушительный звонок – не что иное, как сигнал… вызова дежурной медсестры из ПИТа!

Девушка быстро поставила кружку на стол, едва не расплескав горячий кофе, и бросилась по коридору к палате интенсивной терапии.

Битюцкий пришел в себя! Он жив, он очнулся и зовет Маргариту. Теперь настал ее черед прийти на помощь старику. Теперь он заперт в четырех стенах, беспомощный и напуганный, а она – его спасение, его надежда и опора.

Рамка контроля на мониторе показывала: давление – девяносто на шестьдесят, пульс – пятьдесят пять ударов в минуту, уровень кислорода в норме.

Маргарита распахнула дверь в палату.

Битюцкий по-прежнему неподвижно лежал на спине, утыканный черными датчиками приборов, только теперь его глаза были полуоткрыты, а тонкие губы шевелились, словно он пытался послать кому-то воздушный поцелуй. Расширенные зрачки уставились на медсестру, и взгляд старика приобрел осмысленное выражение. Маргарите даже показалось, что в нем мелькнула радость.

– Хршо… Што вы пршшли, – прохрипел больной.

Девушка закрыла за собой дверь и приблизилась к кровати.

– Вы очнулись от наркоза! – радостно сообщила она. – Это замечательно! Замечательно, слышите?

– Сл… шшу…

– Теперь все будет хорошо, – заверила Маргарита. – Иначе и быть не может.

– Бррсьте вы эти… шштучки… – Битюцкий устало опустил веки. – У нас мал… времени…

Девушка мягко взяла его за руку. Она была холодной и легкой, словно у старика отсутствовали кости.

– Вам нельзя много разговаривать, слышите? Набирайтесь сил…

– Не… когда наби… раться… – Битюцкий вновь открыл глаза. Теперь в них плескалось страдание. – М… ня… ххтят убить.

– Убить? – Маргарита ощутила неприятный холодок между лопатками.

Старику было трудно говорить. Он хрипел, выдавливая из себя и выплевывая слова. На лбу в свете холодных ламп блеснула крупная россыпь пота.

– Да… Какх… Струковского…

– Поверьте, – пролепетала девушка, чувствуя, что пол под ногами начинает раскачиваться. – Вам ничего не угрожает! Я не покину пост и не захлопнусь в процедурной! Я не позволю, чтобы из-за моей рассеянности или беспечности опять случилось несчастье!

– Нету в том… твоей вины, барршня… – Старик перешел на шепот и покосился на металлический зажим, в котором тонкие провода сплетались в один толстый черный шнур, уходящий куда-то поверх его головы за кровать. – Тебе корить… себя не в чем. Дверные замки… жжлезяки бездушшные… Но и люди бывают не лучшше.

– Что вы хотите сказать? – пролепетала Маргарита.

Прежде чем ответить, Битюцкий опять закрыл глаза и судорожно сглотнул, будто в горле что-то мешало.

– Вччрра… я видел того, кхто выкходил… отсюда, – прошептал он, задыхаясь и не размыкая век. – И кхто заперр ттебя…

«Может, он бредит? – мелькнуло у девушки в голове. – Он явно в полуобморочном состоянии!»

– Не волнуйтесь так, – попросила она. – Может быть, отдохнете и расскажете мне все потом?

Битюцкий приоткрыл глаза. Было видно, как огромные зрачки, почти слившиеся с радужной оболочкой, закатываются за веки.

– Пптом… не… плучитсся… Этт человек видел ммня… И не даст мне жжить… Утррм мне ужже дали лекррство…

Маргарита не верила ушам.

– Этот человек уже попытался убить вас, дав утром лекарство? – Она заморгала и машинально оглянулась, не подслушивает ли кто этот жуткий разговор. – Тот самый человек, который, как вы говорите, выходил вчера вечером из ПИТа, а перед этим запер меня в процедурной? Правильно?

Старик нетерпеливо кивнул, и провода над его головой дрогнули.

– Ты длжна… знать. Это…

В комнате на секунду воцарилась гробовая тишина. Было слышно, как что-то пощелкивает в разводной коробке, привинченной к стене у изголовья кровати. Хрюкнул кран над умывальником в самом углу палаты, и в стальную раковину гулко стукнула капля.

– Это… – старик захрипел сильнее, он старался вдохнуть в легкие побольше воздуха, чтобы разом произнести имя. – Это… журна… евге…

Глаза закатились так, что остались видны лишь желтоватые белки, и Битюцкий замолчал.

6

Длинный и угловатый, как складной метр, молодой человек вежливо потеснил медсестру и решительно шагнул к постели Максима. На нем был узкий твидовый пиджак, голубая, расстегнутая на три пуговицы сорочка с модным двойным воротничком и грязно-синие джинсы.

– Я – дознаватель, – мрачно представился он. – Моя фамилия Грач.

Танкован приподнялся на подушке и вяло кивнул.

В лице дознавателя было что-то от его фамилии. Черные, гладко зачесанные волосы, беспокойные глазки, ощупывающие пространство на 180 градусов, длинный нос с узкими ноздрями и острый, как кочерыжка, подбородок с клоком вьющихся волос. Он по-хозяйски освободил стул от чьих-то вещей (вероятно, старичка с профессорской бородкой), придвинул его к кровати Максима и уселся, разложив на коленях большую коричневую папку из кожзаменителя.

– Сейчас вы подробненько расскажете мне, как совершили наезд на человека. Я это запротоколирую. Потом мы быстренько нарисуем схемку места происшествия, вы ее подпишите, и я уйду. – Грач клюнул носом воздух и засопел.

Максим, который был уверен, что за ним пришли по делу об убийстве Свирского, растерянно заморгал и переспросил:

– Наезд на человека?

Грач уставился куда-то поверх Максимовой переносицы и быстро ответил вопросом на вопрос:

– А вы еще что-то совершили?

Танкован откинулся на подушке.

– Пишите, – мрачно скомандовал он. – Я двигался по двусторонней улице в направлении проспекта Андропова. Начал движение на разрешающий сигнал светофора. Девушка шагнула мне прямо под колеса метрах в десяти от «зебры» перехода. То есть она переходила улицу в неположенном месте и на красный свет. Как она сама объяснила, все произошло по причине ее близорукости…

Дознаватель даже не шелохнулся.

– Что же вы не записываете? – раздраженно поинтересовался Максим.

– Я, конечно, запротоколирую всю эту чушь, – отозвался тот. – Но будет лучше и проще нам всем, если вы расскажете правду.

– Как вы со мной разговариваете? – вспылил Танкован. – Я рассказываю, как было!

Грач невозмутимо извлек из папки стопку исписанных листов.

– У потерпевшей – куча адвокатов, – то ли насмешливо, то ли сочувственно сообщил он. – У меня уже имеются показания свидетелей и заявление пострадавшей стороны. Все в один голос уверяют, что вы летели под «красный» и совершили наезд на пешеходном переходе. – Он цокнул языком, как врач, который вынужден удалить больному здоровый зуб. – Боюсь, это уголовное дело, уважаемый.

Максим остолбенело уставился на внушительную стопку листов, потом, словно очнувшись, закричал:

– Заявление потерпевшей стороны? Что за чушь! Эта барышня… как ее?.. Татьяна Михеева здесь была и извинялась за свою легкомысленность на дороге! Вот ее визитка! – Он пошарил рукой на тумбочке и всучил дознавателю картонный прямоугольник. – Свяжитесь с ней немедленно! Она все расскажет! Позвоните, слышите?

– Зачем? – пожал плечами тот, возвращая карточку на прежнее место. – У меня есть заявление.

– Тогда я сам позвоню! – Максим схватил трубку и срывающимися пальцами набрал номер, указанный на визитке. Пару секунд он вслушивался в шуршащую утробу телефона, потом снова набрал номер и снова вслушался и наконец раздраженно бросил мобильник на одеяло: – Абонент не отвечает…

– Вот видите… – Грач сочувственно развел руками, всем своим видом показывая, что недоступность абонента окончательно изобличает его собеседника. – Придется смириться и рассказать все как есть.

– Покайся, парень, – не выдержал сосед в тренировочных брюках, который все это время беззастенчиво подслушивал разговор. – Тебя приперли. Несознанка бессмысленна.

Максим бросил в его сторону взгляд, в котором одновременно читались ярость и презрение, и снова повернулся к дознавателю:

– Ничего другого я вам рассказать не могу. Не нарушал, не превышал, не выпивал…

– Ну что же, – смиренно развел руками тот. – Значицца, так и запишем, – он словно цитировал капитана Жеглова из популярного фильма, – что правды мы говорить не захотели.

Утром следующего дня Танкована осмотрел врач – пожилой хирург с густыми бровями, красными, слезящимися от недосыпа глазами и буйной растительностью в носу. Он пребольно потыкал Максиму в межреберье сухим, узловатым пальцем, ощупал плечи и затылок, посветил в зрачки тонким, похожим на авторучку фонариком, заставил дотронуться до кончика носа попеременно обеими руками и отрывисто бросил, обращаясь к медсестре:

– На выписку.

В полдень, забрав у кастелянши вещи и расписавшись на мятой, едва читаемой квитанции, Танкован спустился в холл приемного покоя. Остановившись перед зеркалом, он удрученно уставился на свою небритую физиономию, провел пальцами по разлившемуся на полщеки лилово-желтому синяку, поморгал припухшим веком, коснулся пластыря, оседлавшего переносицу, и вздохнул. Меньше всего ему хотелось показываться сейчас кому-нибудь на глаза. В особенности – Лиснянской. С другой стороны, подранок может вызвать у женщины жалость, а женская жалость – великое, еще не изученное наукой откровение. Оно – как острый козырек крыши, на котором можно балансировать достаточно долго, а потом скатиться либо в ту сторону, где тебя ждет женская любовь, либо – в другую, где можно больно удариться об ее же презрение.

Максим поморщился. Мысль о женском презрении потянула за собой тонкие нити воспоминаний. На мгновение ему показалось, что он видит в зеркале Маргариту. Она окинула его печальным, немного уставшим взглядом, потом легким движением руки освободила от резинки волосы, и они пролились ей на плечи темным шелковистым водопадом. Танкован открыл рот. С зеркальной глади на него смотрели выразительные синие глаза. Тонкие черные брови, густые ресницы, аккуратный носик, едва заметная, милая родинка над верхней губой, белая, мраморная кожа – образ, вызывающий в Максиме странное, неприятное чувство, сродни досаде шахматиста, потерявшего проходную пешку, или раздражению курортника, у которого пятый раз сдуло ветром приклеенную к носу бумажку. Любые воспоминания о Марго были ненужными, неуместными, лишними, подобно хвори, подскочившей температуре в разгар жаркого лета на пляже.

Маргариту в зеркале кто-то окликнул, и она растаяла, уступив место трехдневной небритости и помятости Максимова отражения.

Он нахмурился, опустил голову, пытаясь настигнуть мысль, которая ускользнула далеко вперед, и шагнул к выходу. За его спиной в стеклянном квадрате зеркала отразился холл приемного покоя, но какой-то другой, не здешний, провинциальный – с пузырящейся на стенах зеленоватой краской, серым потолком и протертым, залатанным линолеумом – отразился на миг и исчез.

Больничный двор утопал в пыльной зелени тополей и грубовато подстриженных кустарников. Свежевымытый подъездной пандус искрился подсыхающими на солнце лужами. Теплый сыроватый ветерок, пропитанный запахами цветов, бензина и подгоревшей пищи, лениво таскал за собой по асфальту газетный лист с прилипшими к нему ошметками яичной скорлупы. Огромный худой пес спал на боку, вытянув лапы, прямо под дверью с темно-синей табличкой «Родильное отделение». Водитель красно-белого РАФа покуривал в открытое окно своей машины, задумчиво наблюдая за нервно совокупляющимися воробьями на скамейке у самого пандуса.

Танкован остановился на крыльце, пошарил в карманах и извлек бумажку с адресом площадки ДПС, на которую эвакуировали его мотоцикл. Путано соображая, в какой последовательности ему нужно сейчас решать проблемы, он сошел по ступенькам и плюхнулся на скамейку. Возмущенные воробьи затрепетали крыльями, скатились на землю, но друг друга не бросили.

Максим осторожно потрогал пластырь на носу и закрыл глаза. Свалившиеся на него задачи следовало решать быстро и четко, как и положено физику. Для начала нужно понять условие, вычленить главное и выстроить приоритеты. Родители… несостоявшийся разговор… тайна… убийство… он – главный подозреваемый… Светка… шантаж… десять тысяч долларов… авария… мотоцикл… Татьяна Михеева… заявление… работа… Лиснянская.

Потревоженный пес у дверей в родильный блок залился обиженным лаем.

Максим открыл глаза и достал из кармана мобильник. Прямоугольный значок зарядки в верхнем углу дисплея был пуст, и телефон грозил вот-вот уснуть голодным сном. Выругавшись, Танкован спешно поискал в книжке абонентов нужный номер и нажал вызов.

– Анна Ильинична, – проворковал он через секунду, – это я. Меня выписали. Я немного подранен, но готов к труду и обороне… Что?.. Не делайте этого, Анна Ильинична!.. Вы еще не знаете, на что я способен!.. Что?.. Нет, что вы, я не угрожаю, я наоборот… В хорошем, в созидательном смысле!.. Я говорю, вы еще не знаете, на что я способен в хорошем, созидательном смысле!.. Не принимайте поспешных решений, дайте мне шанс. – Он в раздражении нажал «отбой» и прошипел: – С-с-сука!..

Эта мстительная стерва заявила, что подыскивает на место Максима «другого молодого специалиста»! Она собирается выбросить его, как ненужную вещь, порвать на ветошь. Ей глубоко плевать, что Танкован – самый способный, одаренный и трудолюбивый сотрудник. Она использовала его вынужденный прогул как повод к расправе, и формально никто не сможет ей помешать. Справка из больницы – чушь. В суде лишь сочувственно пожмут плечами. Кабальный, циничный договор, собственноручно им подписанный при поступлении на работу, лишал его любой защиты, делал бесправным и уязвимым. Согласно этому документу руководство фирмы имеет право в любое время уволить Танкована без объяснения причин, без содержания и компенсации, может снизить зарплату или вообще не заплатить ее. Возмутительный договор. И тем не менее Максим подписал его. Выбора не было. Зато была уверенность в том, что уж с кем с кем, а с ним ничего подобного произойти не может, потому что уж кто-кто, а он – лучший работник и незаменимый специалист.

Максим скрипнул зубами. Он побежден, отставлен и смят. Одним росчерком пера похотливая баба лишила его средств к существованию, честолюбивых мужских амбиций и надежд на карьерный взлет. Лишила многого, но только не главной силы физика – расчетливого ума. Внутреннее чутье подсказывало Максиму, что демонстративное увольнение – не конец схватки, а только вызов к ней. И он примет вызов, сыграет в эту игру по правилам Лиснянской, а потом разделается с ней. Чем сложнее партия, тем слаще победа. Сегодня вечером Танкован возьмет реванш. Он разыграет классический дебют и сломает кнопку на шахматных часах соперника.

Из больницы вышли два санитара и врач с металлическим раскладным саквояжем. Они спустились по ступенькам крыльца, сели в РАФ; скучающий водитель выплюнул окурок в окно и включил зажигание. Двигатель, чихнув, выбросил в воздух облачко синевато-серого дыма. Пес у дверей поменял позу и опять задремал. Ветерок запутался в кустарнике и окончательно ослаб, а запах подгоревшей пищи, наоборот, усилился.

Максим достал из кармана визитную карточку адвокатессы.

– Семь, два, один… – диктовал он сам себе, набирая телефонный номер, – сорок четыре… Девять, ноль.

На сей раз абонент оказался подключенным к сети. Танкован, болезненно морщась, слушал длинные гудки и умолял аккумулятор трубки выдержать еще один разговор.

Наконец на другом конце что-то щелкнуло, и женский голос произнес с официальной прохладцей:

– Слушаю вас…

– Татьяна? Это Танкован. – Максим старался уловить, не изменится ли что-нибудь в голосе его собеседницы. – Тот самый… Мотоциклист… Который два дня назад…

– Слушаю вас, – голос остался прежним – холодным, спокойным, деловым и немного уставшим.

«Плохой знак, – решил Максим. – Похоже, эта сучка действительно накатала заявление в милицию. Ну какая же дрянь! Зачем, спрашивается, фрукты приносила и карточку оставляла, если готовила такой подлый удар?»

– Вы дали мне визитку, – напомнил он, – и спрашивали меня, чем вы можете… – Он поколебался, выбирая слова, но решил плюнуть на политес: – …искупить свою вину.

– Искупить? – удивилась Татьяна. – Помнится, я сказала: «загладить».

– Какая разница? – Максим раздраженно мотнул головой. – Искупить, загладить – смысл один и тот же.

– Смысл не один и тот же, – спокойно возразила женщина. – Но дело даже не в этом. Просто я люблю точность во всем, особенно в формулировках и цитатах. Это помогает избежать недоразумений и разночтений, а для юриста нет ничего важнее ясности и однозначности дефиниций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.